

Лев Гудков
Борис Дубин

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Борис Дубин

**Интеллигенция.
Заметки о литературно-
политических иллюзиях**

«Издательство Ивана Лимбаха»

Дубин Б. В.

Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях /
Б. В. Дубин — «Издательство Ивана Лимбаха»,

Книга статей известных социологов посвящена ценностным горизонтам, культурным ресурсам, моральным представлениям образованного сообщества России, его отношениям с властью и массой, роли интеллигенции в попытках реформировать советскую систему на очень коротком по хронологии, но переломном и важном по смыслу отрезке отечественной истории (1987–1994). Начав с исследования активной роли наиболее продвинутых, продемократически настроенных подгрупп интеллигенции в попытках экономических и политических реформ «сверху» («перестройке»), авторы прослеживают процессы разложения и перерождения образованного сообщества в последние годы советского режима и на начальном этапе формирования независимой России. В книге использованы материалы опросов общественного мнения, анализа печати, исследования литературных текстов, кино и проч., данных государственной и ведомственной статистики. 2-е издание, исправленное и дополненное.

© Дубин Б. В.

© Издательство Ивана Лимбаха

Содержание

От авторов	6
Литературная культура: процесс и рацион	10
Параллельные литературы: попытка социологического описания	33
Победители 1970-х: литература на гидропонике	35
«Гетто избранничеств»: структура и тематика самиздата	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Борис Дубин, Лев Гудков

Интеллигенция. Заметки о

литературно-политических иллюзиях

© Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, статьи, 1995, 2009

© Н. А. Теплов, обложка, 2009

© Издательство Ивана Лимбаха, 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От авторов

Тема интеллигенции (и во многом связанная с нею проблематика литературы, точнее – особой литературной «идеологии») оказалась для нас значимой в 1970–1980-х гг. по нескольким причинам. Прежде всего, в связи с неопределенностью потенциала изменений в советском обществе. За общую рамку интерпретации социальной реальности нами и нашими коллегами была принята идея модернизации в ее специфически российском и, далее, советском варианте – модернизации запаздывающей, форсированной по темпам и средствам, принудительно проводимой «сверху», а потому, в конце концов, постоянно притормаживаемой, блокируемой и не завершенной по настоящее время¹. Интеллигенция, далее, понималась при этом как «элита». В ней виделась единственная продуктивная в культурном смысле группа, чей авторитет, моральная значимость и социальное положение обусловлены способностями порождать идеи и ценности, нести новый взгляд на вещи и давать этому новому связные смысловые интерпретации – «язык» – независимо от среды и обстоятельств, в которых оказывается и принуждена существовать сама группа.

Производимые этой «элитой» смыслы, идеи, суждения, как мы думали, подхватываются со временем другими слоями и распространяются в обществе, которое интегрируется тем самым в некое единое социальное и культурное целое. (Неявно при этом предполагалось, что просветительская по своей роли интеллигенция, пробуждая к самопониманию и гуманности, воспитывая терпимость и уважение к частному и индивидуальному, «подымая» над мертвой официальной идеологией, вместе с тем постепенно очеловечивает, демократизирует это косное социальное тело.) У культур-антропологов этот способ интерпретации называется «спуском образца» – от высокостатусных групп в репродуктивную среду, а далее к широкой массе. Такой подход и взгляд на вещи, собственно, и поддерживал надежды на некоторую либерализацию и возможное оцивилизовывание советского общества. Накопленный за десятилетия культуротворческими группами, но задержанный цензурными рогатками и дисквалифицированный по идеологическим соображениям потенциал образованных слоев «на глазок» определялся тогда по вершинам – лучшему в правозащитном движении, тамиздатовской словесности, несколькими уникальным научным семинарам, а потому предполагался весьма значительным (отсюда шел наш интерес ко «второй культуре» и таким механизмам групповой динамики, как разного типа журналы). По всему казалось, что высвобождение этих разных по тематике и направленности идей, концепций, текстов, сам выход их авторов и кругов ближайшей к ним публики в открытую жизнь не смогут так или иначе не повлиять на структуру и уровень общества, систему социальных связей и институтов, станут «естественным» источником социального и культурного развития.

Допущения об интеллигенции как элите и о спуске образца как механизме «безболезненного» развития общества приходится отнести сегодня к разряду собственных иллюзий (разумеется, иллюзии тоже входят в структуру действия и понимания, социальных сдвигов без них не бывает, но это уже другой, особый разговор). Социальные процессы и культурные трансформации оказались более затяжными, тяжелыми, неоднозначными и по ходу, и по следствиям (разложение и распад – разновидности социальных процессов со своей структурой, динамикой и т. д.). Осознание относящихся сюда обстоятельств в их не всегда приятной, но принудительной фактичности так или иначе документировано в статьях конца 1980-х – середины 1990-х гг., написанных, в основном, для литературных журналов и собранных в настоящей книге. В самом общем виде итоги нашего анализа и рефлексии можно свести к следующему.

¹ См.: Левада Ю. А. Статьи по социологии. М.: ВЦИОМ, 1993.

Советская и постсоветская интеллигенция – не элита. Если взять ее место в социальной структуре, характер образования и профессиональной подготовки, связи внутри группы и формы коммуникации с другими социальными партнерами, то интеллигенция в целом, как функциональное образование, – это массовая бюрократия, кадровое обеспечение подсистем воспроизводства рутинизирующегося постреволюционного тоталитарного общества. Ее собственный интерес связан прежде всего с некоторым, по мере возможности, смягчением «крайностей» в отношениях между опекающей властью и подопечным населением. Делается это с помощью отсылок или призывов к известному «уровню» цивилизованного, нормального существования, то есть – через консервацию представлений о подобном порядке, который либо вынесен «вовне» (такова утопическая конструкция «Запада», включая, конечно, самые мрачные антиутопии), либо помещен в «прошлое» (мифология «устоев», «почвы», «собственного пути», или – в более деликатной форме – «традиций», «наследия»).

При этом навязчиво воспроизводящиеся попытки тех или иных интеллектуальных кругов «дистанцироваться от власти», в конечном счете, выявляют глубочайшую связь с ней, зависимость от нее. Дело здесь даже не в социальных позициях интеллигенции, ее средствах к существованию (хотя уж это-то обстоятельство стало за последние три года совершенно очевидным), но в самих ходах мысли, в системе идентификации – в представлениях о себе и своем деле, фокусе интересов и горизонте проблем, критериях оценки, воле к самоосуществлению, готовности отвечать за сделанное. Вопрос об отечественной элите (вернее – элитах, и прежде всего – политической и интеллектуальной) остается, таким образом, открытым. Социуму, который стремится выйти из кризиса, но не имеет своей элиты, предстоит почувствовать последствия этого, по крайней мере, в нескольких аспектах: мы имеем в виду дефицит представлений о целях развития общества, о «цене» разных его вариантов, крайне примитивные модели человека, «работающие» в обществе, сужение спектра этих моделей и обеднение стоящих за ними ценностей, а значит – моральный уровень общества, моральную атмосферу в нем. С одной стороны, здесь как будто встает проблема подготовки элит, их «выращивания», о чем ниже. С другой – стоило бы обсудить проблему такого типа развития общества, при котором потребности в национальных элитах и повышенной функциональной нагрузки на них нет, но нет надобности и в широкомасштабных идеологиях развития, что в нашем случае, конечно же, приходит в противоречие с комплексом миссионерских представлений о «великой державе» и ее «всемирном предназначении» (а соответственно, задевает интересы групп, сохраняющих и отстаивающих подобные реликтовые представления, как и другие формы государственной идеологии).

В этих условиях первоначальные импульсы и инициативы общественного развития либо хотя бы сдвига – где бы и по каким поводам они ни возникли – должны были рано или поздно столкнуться с более фундаментальной реальностью: системой институтов советского общества и, наконец, с наиболее сложным его институтом (своего рода «институтом институтов») – устойчивой «антропологической» структурой, личностью «советского человека»². События последнего, может быть, самого тяжелого за десятилетие, года убеждают в том, что возможности модернизации российского общества и общественного сознания «сверху» и в один прием исчерпаны если не навсегда, то очень надолго. Нет сегодня в России ни такой силы, ни такого института, ни такой фигуры («вождя»), которые проявили бы готовность взять на себя подобную задачу и, что еще важнее, были бы в этом качестве поддержаны значительной по объему или влиятельной по статусу частью населения. Отсутствие в нашем обществе многоуровневой системы «промежуточных институтов», неразработанность собственно публичного плана взаимодействия, согласования целей и интересов ставит под вопрос саму возможность коллектив-

² Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993. (Работа над этим исследовательским проектом продолжается.)

ного действия какой-либо группы или структуры, но, как представляется, делает маловероятным и сколько-нибудь эффективное волевое воздействие на ситуацию с чьей бы то ни было стороны.

Чего мы не предполагали и не могли предполагать до тех пор, пока процесс изменений не начался, не пошло реальное разложение существовавшей до этого социальной системы, – это глубинной связи советских социальных, политических, экономических и проч. институтов с типом «человека», а соответственно, со всеми микро– и макро– обстоятельствами его существования, повседневного воспроизводства – в семье, общении, работе, образовании, круге коммуникаций и т. п., включая, казалось бы, самые интимные материи и мотивации. Поэтому первоначальные (времен перестройки и гласности) представления о том, что достаточно реформировать политико-идеологические структуры и Россия войдет в круг «нормальных обществ», постепенно сменились более пессимистическим и трезвым пониманием. В строгом смысле слова, речь не может идти о реформах, поскольку советская система институтов не допускает трансформации (ни революционной ломки, ни эволюционных изменений), если не считать декоративной замены «Верховного Совета» на «Думу», а совдепов на «сенаторов». Поскольку речь заходит об изменениях в фундаментальных структурах данного типа личности, в формах современного социального бытия как такового, то гадать о сроках, характере, реальных действующих лицах, способных осознать глубину идущего кризиса, – занятие сейчас довольно бессодержательное. Во всяком случае, масштабы возможных изменений должны так или иначе захватывать всю многоуровневую систему репродукции – образовательные, семейные, дружеские связи, соответствующие символы, структуры представлений, нормы должного и желаемого, возможного и недопустимого и проч.

Пока же более общие, надпоколенческие по срокам и темпам общецивилизаторские задачи берет на себя т. н. «массовая культура» и воплощающий ее «рынок». Интеллигенция противостоит им – отчасти по недоразумению, отчасти из рессентимента, энергия которого принимается за принципиальность. (Хотя, вообще-то говоря, на развитие общества и культурное обновление «массовая культура» не посягает и никогда не претендовала, а потому в этом качестве она интеллектуалам – не соперник). В то же время рынок, массовое искусство, новые технологии коммуникаций, требующие соответствующего уровня квалификации, социального воображения, коммуникативной пластичности, существенно ограничивают «имперские» стремления интеллигенции ко всеобщей и неконкурентной классикализации (музеефикации) культурного поля. Притязания образованных слоев на монопольное владение безусловными нормами «единственно подлинной» культуры выглядят, мягко говоря, малоубедительными и нерезультативными.

Говоря еще короче, приходится признать, что наступили будни как социального существования в целом, так и интеллектуальной работы в частности. Она, хочет этого кто-то или нет, становится кропотливым, повседневным, прозаическим занятием профессионалов, ведущих разработки в почти нетронутых областях, но в общем проблемном пространстве. То есть, делом самостоятельным по интересам и, вместе с тем, коллективным по форме, более строгим, а потому, если угодно, и более скучным. Для уходящей советской интеллигенции, всегда идейно борющейся с «повседневностью», «бытом», «рутиной», это испытание, видимо, серьезней, чем для других групп. Ресурсы самооправдания и авторитетности у нее все более ограничены – национальная (в том числе – державная) идея, религиозное «возрождение», духовность, олицетворенная классикой. Все более истерический тон и растущий догматизм суждений значительной части нынешнего образованного слоя заметно превосходят средний уровень массы.

Тем большая нагрузка ложится на образованную молодежь, подготовку специалистов. Прежняя, полуобветшалая сейчас система высшего образования в гуманитарных дисциплинах, социальных науках, экономике, праве и т. д. требованиям современности ни по преподаватель-

скому составу, ни по господствующим представлениям, ни по формам организации знания и обучения, конечно, не отвечает. Регенерировать ее вокруг прежних ретроориентиров – идей «наследия» и «хранения» – вряд ли возможно и нужно. А идея сложности, представление о реальности в многообразии ее здешних и сегодняшних проблем пока не слишком авторитетны в интеллектуальных кругах и в общественном сознании. Это усиливает разрыв между культурой и действительностью, «элитой» и «массой».

30 января 1995

Литературная культура: процесс и рацион

Ну и что из того, что, по вашим данным, все хотят это купить? Дать надо взвешенный список. Пастернак, Пастернак... Нужно еще подумать, и очень подумать, стоит ли делать его классиком, может быть, лучше сделать классиком Симонова? Наука – это, конечно, хорошо, но мы-то власть, а власть лучше! И потом, сколько можно говорить о кооперативных издательствах, Комитет сам издаст все, что нужно, пока бумаги хватят. Это эксперимент? Нет, это прецедент! (Из кабинетной прозы)

С недавнего времени старый вопрос о положении литературы в обществе вновь стал предметом дискуссий. Отличительные признаки современной ситуации – острый книжный голод при видимом изобилии выпускаемой книжной продукции, ограничение возможностей публикации для авторов. Хотя мало кто готов назвать это состояние кризисным, оно едва ли может быть признано удовлетворительным. Мы социологи и поэтому возьмем лишь одну – социологическую – сторону дела: обсудим, какое сообщество людей складывается вокруг и по поводу публикации, распространения и чтения определенных текстов, какая литературная культура формируется таким образом. Эта культура – результат взаимодействия авторов, издателей, критиков, библиотекарей и книгопродавцов, педагогов и читателей. Все они исходят из различных представлений о том, что, собственно, такое литература, различными оказываются и их представления о человеке, его природе, интеллекте, нравственном начале, круге интересов. В конечном счете эти различия определяют работу соответствующих ведомств и организаций, выражающуюся в характере комплектования фондов библиотек, определении тиражей или ассортимента выпускаемой литературы. При этом мнения отдельных людей, от которых это зависит, в значительной степени теряют свою специфичность, исключительность, приватность. Было бы поучительно оценить социальные последствия деятельности какого-нибудь ведомства или министерства, но не с точки зрения ошибок его руководства или грандиозности достижений (которые всегда, бесспорно, есть), а как результат реализации определенной программы, положенной в основу создания этого ведомства, и целенаправленных усилий множества людей и организаций. К сожалению, работ, посвященных такой задаче, нет. Не претендуем на подобный анализ и мы, рассматривая в данной статье лишь некоторые подходы к ее решению. Начнем с характеристики сегодняшнего положения в основных узлах системы книгораспространения, начавшей складываться в 1920-е годы и поставившей перед собою цели, значимые по сей день. Речь прежде всего о библиотеке.

I

Сложившееся в последние годы положение в массовых библиотеках – самых распространенных и наиболее доступных – не назовешь иначе как стагнацией. Долгое время – с послевоенных лет по конец 1970-х годов – их контингент постоянно увеличивался, активность его росла, однако с начала 1980-х застыла на одном уровне и увеличения числа читателей не наблюдалось. С середины же 1980-х годов начался, пусть и не слишком значительный, отток абонентов. Наиболее заметно этот процесс обнаружился у молодежи и вообще у социально активных групп, к которым относится большинство постоянных и много читающих посетителей библиотек. Доля таких активных читателей, лет десять назад сравнительно небольшая – 21 процент от всего контингента, сейчас упала до 17 процентов. Обычные показатели работы библиотеки –

число посещений, количество книг, взятых за год, – также падают. Основной массив посетителей составляют либо случайные и однократные абоненты – те, кто пришел за конкретной книгой, не получил ее и ушел, больше не возвращаясь (до 50 процентов), либо читатели, которым приходится периодически возвращаться за литературой, так как дома ее заведомо не держат – это книги по той или иной учебной программе. В последнюю категорию входят учащиеся, слушатели сети политпросвещения, народных университетов и тому подобное. Кроме них в библиотеку вынуждены сейчас обращаться лица из групп, располагающих суженным социальным и культурным ресурсом – люди из многодетных и неполных семей, а также подростки и пенсионеры, у которых нет достаточных средств, а порой и своего места в доме, чтобы разместить свои книги, читатели с нешироким тематическим диапазоном запросов и так далее.

При этом, однако, важно сразу отметить: нынешний профиль комплектования массовых библиотек задан соответствующей инструкцией и зависит от профиля книгоиздания. Одни части литературной культуры (классика, школьная программа по советской литературе) воспроизводятся в оптимальном режиме, а другие не воссоздаются вообще. Наиболее спрашиваемая (разными группами читателей) литература вообще крайне незначительно представлена в фонде библиотек. Это продиктовано задачами ведомственного «руководства чтением», «эстетического воспитания читательской массы», «формирования ее потребностей».

Массив нынешних активных библиотечных читателей по уровню образования и структуре запросов непосредственно примыкает к тем, кого принято именовать интеллигенцией, но не совпадает с ней по ряду признаков. Для интеллигенции таких проблем, с которыми сталкиваются типичные абоненты массовых библиотек, нет. Квалификационный уровень интеллигенции высок, она завершила, в основном, свое образование и в целом располагает, включая ее более молодые слои, накопленным предыдущими поколениями символическим капиталом книг, знаний, опыта. Кроме того, она обладает и умением пользоваться максимально широким спектром средств приобщения к культуре. Литературное ядро домашних библиотек сегодняшней интеллигенции существенно больше и куда многообразнее, чем рамки всеобщей школьной программы. И это не случайно: такая домашняя библиотека – не просто скопление книг, а воплощение культурной программы той группы, к которой относится владелец библиотеки, концентрация ее представлений о мире и человеке.

Такого рода библиотек, сложившихся, по данным М. Д. Смородинской, не менее пятнадцати лет назад, сравнительно немного, не более 5 процентов всех домашних книжных собраний, но объем каждой из них – свыше 1–1,5 тысяч книг – конечно же, весьма отличается от средней по стране величины (до 200 книг на семью). Это и есть различие в уровнях «культурного старта» между интеллигенцией и другими группами того же поколения. Именно такой книжный фонд, находящийся в ее распоряжении, создает необходимые условия для устойчивого воспроизведения высоких стандартов культуры, делает его обладателей относительно независимыми от других источников получения книг, выступает гарантом самостоятельности выбора, направленности и планомерности чтения. Человек, вырастающий в подобном книжном окружении, не просто свободен от унылой дидактики «руководства чтением» и общеобязательности воспитательной литературы, но и приобретает собственную ориентацию в книжном мире, навыки самостоятельного освоения культуры.

Прочие же группы ограничены в доступе к книгам и находятся, в общем, в тягостном положении, особенно если учесть, что в библиотеки сейчас попадает не больше 10 процентов всех выходящих в стране книг. Из-за повышенного разового спроса на отдельные популярные названия и авторов (это на каждый момент примерно 500–600 книг, относящихся к разным типам литературы и областям знания), при ничтожной экзemplярности таких изданий они не могут быть выданы многим читателям одновременно. В лучшем случае библиотекарь выстраивает из претендентов на них многомесячную очередь. А чаще всего эти книги оказываются в закрытой части фонда, которая составляет в библиотеках разных регионов от 30 до 70 процен-

тов всего абонементов. Эти книги либо вообще не доходят до читателя, либо же выдаются особо доверенным, знакомым. Ясно, что такая выдача ничего общего с «обслуживанием читателей» не имеет – это неформальный канал получения книг, сплочение группы «своих». Присваиваемый закрытый фонд как бы становится заменой домашнего книжного собрания библиотекаря, его друзей.

Однако, придя в библиотеку, мы видим, что полки «открытого доступа» полны книг. Это, главным образом, малоспрашиваемая либо же вообще невостребуемая книжная продукция. От 30 до 50 процентов выставленных на обозрение читателя книг или не берутся вовсе, или взяты один раз за несколько лет. В целом по стране число таких «мертвых», одновременно стоящих на полках книг 2–2,5 миллиарда экземпляров – величина, равная книжной продукции страны за год. Эти книги находятся на балансе библиотек, на них затрачены вообще-то весьма скупо отпускаемые деньги, и вот они не работают. (Фактически величина бесполезной части фонда гораздо выше, поскольку по инструкции Министерства культуры так называемые «устаревшие» книги непрерывно списываются.) Соответственно более половины читателей – доля эта колеблется в зависимости от региона и от принадлежности к той или иной группе – состоянием библиотечных фондов хронически не довольны.

На протяжении десятилетий – с середины 1920-х до начала 1970-х годов – массовая библиотека была ведущей формой библиотечного обслуживания и практически единственным источником книг для широкого читателя (отметим, что в 1914 году лишь 18 процентов библиотек относилось к такому разряду). Это не случайное обстоятельство, а один из результатов воплощения в жизнь социальной программы формирования нового человека и новой культуры, в которой, как и в других сферах (общественное питание, обучение, медицина), зачастую действовало положение, определяемое формулировкой М. Жванецкого: «Давай самое необходимое и всем одинаковое». В своей литературной части эта программа до середины 1960-х годов приоритетно обслуживалась издательствами, которые с 1953 до 1963 года также подчинялись Министерству культуры, а теперь входят в систему Госкомиздата СССР (общий кадровый состав двух этих отраслей сложился существенно ранее, фактически уже к 1930-м годам). Уникальность положения массовой библиотеки как главного представителя книжной культуры не раз служила руководителям библиотечного дела поводом для демонстрации превосходства планомерно и разносторонне укомплектованного фонда абонементов над «хаотичными» и «однобокими» личными собраниями (их судьба в эти десятилетия заслуживает отдельного разговора). Между тем называть это «богатством» можно лишь на фоне скудости чисто воображаемой, условной и усредненной одной личной библиотеки. В сравнении же с общим фондом реальных семейных библиотек, собранных несколькими поколениями людей, и при учете того, что сами типы читателей невероятно разнообразны, набор книг массовой библиотеки представляет собой не более чем культурный паек, пайку. И состав фонда, и формы обслуживания в массовых библиотеках, по сути, предусматривают фактически полный контроль над интересами и склонностями читателя. А это позволяет ограничиваться в книгоиздании сравнительно невысокими тиражами из расчета, что каждая книга обернется многократно.

Иначе говоря, можно сократить необходимые – по объему публикации – тиражи книг, исходя из длины проектируемой очереди читателей, величины вполне исчислимой. В пределе она составляет «глубину» библиотечной аудитории: время хранения книги в фонде (5–7 лет), деленное на срок, полагающийся для ее прочтения каждому абоненту. Главное здесь в том, что базовой формой организации взаимодействия между владельцами книжного ресурса и его потенциальными рядовыми потребителями становится очередь, причем особая, уравнивающая, а именно «живая» (рядом с ней, впрочем, есть и другие – например, «по талонам»). Тем самым давление справедливости очереди, ощущаемой потребителем как лишение и ущемление в настоящем, представляет собой способ распоряжения его будущим. Эта-то минимизация требований читателя, планирование впритык и равнение на последнего и представляет собой

действительную функцию системы, а нарезание паек у хлеборезки времени – один из немногих ее самостоятельных продуктов.

Паническая консервация книжного ресурса, охватившая библиотеки при возникновении первой же тени заинтересованности в нем других социальных групп, усугубила с середины 1970-х годов дефицитность книг, что, в свою очередь, обострило спрос на них. При этом явственно обнажилась неспособность системы книгораспространения к какой-либо иной тактике взаимодействия с читателем, кроме ужесточения контроля над ним и демонстрации своей доминирующей позиции. Для понимания итогов подобной деятельности укажем, что сейчас в библиотеках записывают на журнальные бестселлеры последних месяцев (намеченные к выпуску книгами в будущем году) в очереди сроком на два-три года, и совет записаться остается единственным и, видимо, последним реликтом традиционной библиотечной рекомендации читателю, венчая многолетнюю работу по руководству его чтением. Как всякая жесткая система регуляции, в условиях напряжения она становится к тому же агрессивной и склонна объяснять собственную ущербность, обвиняя самого читателя в неразвитости, стадности, избалованности, погоне за модой.

В принципе, картина в книжных магазинах такая же, как и в библиотеках, хотя, казалось бы, магазины – не более чем техническое звено в системе книгораспределения, ведь своих фондов они не формируют и напрямую обращены к самому широкому и многообразному читателю. Но и здесь разрыв между объемом того, что годами лежит на прилавках и складах, и количеством книг, которые покупатели ищут и спрашивают, крайне ощутим. Причем сравнение книг, покупательский спрос на которые не удовлетворен, с составом закрытой части библиотечных фондов показывает, что они примерно совпадают.

Год за годом все четче обрисовывается ситуация, когда книги, которые еще недавно хотели взять в библиотеке, теперь все чаще стремятся купить, потому что иначе нет возможности их прочесть. Покупка – страховка в условиях ненадежного обеспечения книгами, своего рода «плата за страх» и планирование затрат с запасом; скажем, это гарантия, что книга, по крайней мере, сохранится для ближайшего потомства. Но и в магазинах больше половины запросов покупателей регулярно не удовлетворяются. По данным сравнительно недавнего опроса, 96 процентов покупателей, то есть фактически каждый, столкнулись с теми или иными «трудностями в приобретении нужной книги». Однако, как и в библиотеках, руководство книготорговлей склонно винить в этой ситуации самого покупателя и видит выход из затруднений в том, чтобы «воспитывать читателя, а не просто торговать».

Напротив, с точки зрения большинства читательских и покупательских групп, выросших в условиях провозглашенной и проводимой государством политики всеобщего и равноправного доступа к культуре, в сознании безусловной ценности книги, нынешнее положение выглядит уродливым и ненормальным. Впрочем, столь же не удовлетворены сложившимся положением и книготорговые организации: у них, хотя и медленно, растут залежи нераспродаваемой литературы.

По самым осторожным и предварительным оценкам, не менее 10 процентов книгоиздательской продукции не находит сбыта даже спустя 3–4 года после выхода. Даже если видеть в этом меру естественного издательского риска, нормой она могла бы считаться лишь для фундаментальной научной литературы, скажем, для классиков науки, которым не грозит старение и скорый пересмотр. Однако в остатки уходит совсем иная продукция – пропагандистская однодневка и плановая обязателька изданий местного литературного руководства.

Следовательно, система издания и распространения книг в стране, сложившаяся на ранних этапах культурного строительства, во всех ее звеньях и связях не соответствует сегодняшнему положению вещей – новым контингентам читателей, их численности и уровню, их тематическим запросам. Она не в состоянии обеспечить нормальное (не говоря уже о расширенном) воспроизводство культуры (а соответственно и движение общества). Раз большинство действу-

ющих в сфере литературной культуры групп, включая авторов – писателей, ученых, не находящих возможности публиковаться, ограничено в реализации собственных символов, то тем самым уже сегодня в определенной мере отсекается будущее этой культурной сферы. Социальные группы, которые сейчас вступают в возраст литературной социализации, дискриминируются. Достаточно не обеспечить книгами подготовительные стадии литературной культуры (попросту говоря, несколько поколений детей подряд) – и можно потерять ее вообще, поскольку утратится и ее авторский состав, и адресат.

II

Если вернуться к началу 1920-х годов, к периоду, предшествующему тому этапу, когда в ходе различных опытов и реорганизаций была наконец нащупана модель, которая легла в основу нынешней системы книгоиздания, то можно сказать, что это была ситуация, за все истекшее время наиболее благоприятная для автора, да и читателя. После эпохи военного коммунизма начался резкий взлет книгопроизводства (до 60 процентов прироста объемов ежегодно). Многообразие типов издательств (государственных, общественных, партийных, кооперативных, частных, смешанных – всего более 2 000 при нынешних 200) обеспечивало устойчивое превышение предложения над спросом, сравнительно гибкую систему книжного выпуска.

По расчетам составителей первого пятилетнего плана по книгоизданию, к 1927–1928 годам «возможные авторские силы СССР» (ученые, преподаватели, инженеры, писатели, журналисты, публицисты и другие) составляли «максимум 10–12 тысяч человек». Ежегодно в этот период выходило 35–36 тысяч наименований книг, 22 тысячи которых шли через рынок. Подходя с аналогичными показателями к оценке современной ситуации, можно говорить о минимум 700–800 тысячах теперешних потенциальных авторов. Даже при нынешних, не самых благоприятных условиях творческой работы каждый из них, думается, мог бы подготовить одну книгу в два-три года (нормальная продуктивность несколько выше). А это составило бы ежегодно примерно 100–200 тысяч названий книг, если бы издательская система смогла обеспечить этот творческий потенциал технически. Увы, само понимание того, что система не сможет предоставить авторам такой возможности, подавляет творческий импульс многих. Подчеркнем тем не менее, что лишь при реализации, по крайней мере, такого соотношения между авторскими силами и издательскими возможностями могут стать эффективными внутрилитературные, внутринаучные критерии оценки творчества, когда значима чисто литературная или научная шкала авторитетов, устанавливается свой «гамбургский счет», при котором не имеет веса ни кресло, занимаемое автором, ни звонок в его поддержку. Только в таких условиях на автора и может оказывать влияние общее творческое напряжение, возникающее в среде, к которой он принадлежит.

Однако к середине 1920-х годов при сохранившемся книжном голоде уже обнаружилось затоваривание, связанное в первую очередь с деятельностью государственного сектора, прежде всего ГИЗа, образованного из множества национализированных издательств и выпускавшего свыше половины книжной продукции страны. Массив книготорговых остатков стал складываться из избыточного выпуска «соцзаказной», агитпроповской литературы, классики и просвещенческо-воспитательных книг, изданных без необходимого учета читательской адресации. Только к 1924 году послереволюционные издания Л. Толстого или М. Горького насчитывали свыше 4 миллионов, А. С. Пушкина – свыше 1 миллиона экземпляров. Представители Госиздата вынуждены были заявить, что «ни один из современных пролетарских писателей не спрашивается... они лежат у нас на складах, и мы продаем их буквально на вес».

Попытки решить эти затруднения путем снижения числа названий и увеличения тиражей только ухудшили положение. Предлагавшиеся варианты рассчитанной на длительный срок

книжной политики, учитывающей многообразие типов читателей и соответственно требующей постоянного расширения и обогащения книжного ассортимента, в тогдашних условиях были отвергнуты. Задача систематически готовить, постоянно стимулировать культурное и социальное развитие страны была замещена приказом одолеть отсталость одним скачком и любой ценой. В итоге поиски выхода из обостряющегося кризисного состояния свелись к идее планового «книжного хозяйства», устраняющего дублирование изданий, обещающего благодаря этому значительную экономию бумаги. Реализовать эти намерения представлялось возможным лишь при дальнейшей централизации управления, создании укрупненных издательских комплексов и специализации каждого из них на выпуске определенного вида литературы. Предполагалось: подобная централизация и специализация вместе с введением в отрасли хозрасчета и самофинансирования (системы госзаказов) существенно снизят издательские издержки, а тем самым и стоимость книг, что позволит повысить тиражи и сделать книги более массовыми и целенаправленными.

Однако и такого рода меры оказались несостоятельными: затоваривание увеличивалось, издержки росли, продукция госиздательств, даже при ряде привилегий и дотаций, которыми они пользовались, не могла конкурировать с книгами издательств иных типов. Поэтому «естественным» следующим шагом стало закрытие вначале ведомственно-отраслевых и специализированных издательств, а также издательств научно-исследовательских институтов и вузов (либо ограничение их прав изданием небольших сборников трудов и вспомогательных или учебных материалов), а затем уже и ликвидация частных, кооперативных и других нецентрализованных издательств. Существование единого книжного хозяйства страны, полная монополия на выпуск книг стали базироваться, таким образом, на распределительной экономике, экономике бедных, сквозным принципом которой стало жесткое лимитирование: ограничение ресурсов бумаги и полиграфии, единый кадровый контроль, единое тематическое планирование, личная ответственность издательских работников за плановую дисциплину и так далее.

Наступала эпоха форсированной коллективизации книги. Как писал один из ее идеологов Н. Б. Новиков, пришла «пора отказаться от фетишизации т. н. ассортимента... Период торговли („вольная продажа“) отходит в прошлое... Наступает период социалистических методов и форм работы с книгой... Вся работа по распределению книг в новых условиях, в условиях дефицитности книги (недостатка бумаги и полиграфических ресурсов) должна строиться на твердых показателях, на точном и исчерпывающем учете задач не только текущего дня, но и ближайшего отрезка времени... Книга должна печататься для заранее учтенных потребителей, и, стало быть, расходимость ее обеспечена полностью в определенный краткий срок... (меньше чем за 3 месяца)». Выдвигаются новые принципы и стандарты работы: «тиражи под обрез», «без сентиментальничанья», личная ответственность библиотекаря, заведующего книжным магазином за книжный заказ. Однако такая жесткость тона и требований «сократиться» относилась не ко всему объему книгоиздания. Напротив, «совершенно иным должен быть подход к массовой политической книге... Для производства книг по массовым разделам мы должны жертвовать всем... суметь отказаться от части «художественной, научной, специальной, в том числе медицинской, философской и даже детской литературы». «Вопрос о том, как целесообразнее распространять книгу... чтобы, во-первых, без вреда для культурного роста масс сократить тиражи целых разделов литературы с тем, чтобы освобождающиеся тонны бумаги бросить на массовую литературу». И эта цель была достигнута: на протяжении 1930-х годов доля общественно-политической массовой литературы составляла 40–45 процентов всего книговыпуска.

Эффективность работы такой книгоиздательской системы стала оцениваться лишь по административным критериям. Каналы взаимодействия этой системы со «средой», с другими институтами и организациями стали возможны лишь через центр, управляющий книгоизданием. Иными словами, система оказалась фактически независимой от императивов развития, от требований и запросов других общественных образований. Она стала ориентироваться

лишь на свои внутренние проблемы. В технологическом отношении, если не затрагивать иных моментов, это привело к застою и к прекращению технического развития отрасли. Причем это произошло не только в собственно книгоиздательском деле, но и в смежных областях, например, в производстве бумаги. Крайняя технологическая запущенность, отсутствие стимулов к модернизации ведут к бессмысленной гибели леса, бесконечным хищническим порубкам. Сравним эффективность производства бумаги и картона. Из 1 тысячи кубометров вывезенной древесины в Канаде произведено 84,9 тонны бумаги и картона (1984), в Швеции – 129 тонн (1984), в США – 137 тонн (1982), в Финляндии – 164 тонны (1984). В СССР же только 27,3 тонны (1985). Как утверждает министр целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, «наличные мощности позволяют переработать лишь 12 процентов заготавливаемой древесины, а в некоторых странах перерабатывается до 50–70 процентов от общего объема заготавливаемой древесины». Что же касается парка полиграфического оборудования, то на 60 процентов он состоит из машин, выпущенных 60 лет назад. Обновление шло практически только в сфере газетно-журнального производства, о чем можно судить хотя бы по недавнему снятию лимитов на подписку. В итоге в отрасли отсутствуют собственные импульсы к освоению новой техники. Как это ни покажется парадоксальным, внедрение в работу издательств технических новинок (скажем, фотонабора) ведет не к облегчению труда и удешевлению производства, а, напротив, к удорожанию книги – в полтора-два раза за последние 15 лет, к удлинению редакционно-издательского цикла, ухудшению качества книг.

Система Госкомиздата, охватывающая свыше 80 процентов выпуска и распространения книг и брошюр в стране, держится на трех китах: издательствах, полиграфии и книготорговле. Как и в других отраслях хозяйства, в этой системе «партнеры» соотносятся друг с другом не напрямую, через обобщенные средства экономического обмена, а через вышестоящие центральные административные инстанции. Каждая подсистема внутри отрасли имеет свои собственные натуральные показатели: издательство – тематику, названия, учетно-издательские листы; типография – листы-оттиски; торговля – сумму поставки и реализации в рублях. Такой принцип оценки деятельности подсистем делает результаты их работы несопоставимыми. Единой, автоматически действующей обобщенной коммуникации всех звеньев нет. А это значит, что партнеры не связаны общим интересом, но, напротив, пользуются определенными возможностями власти один над другим. Скажем, издательство не может (фактически, а не номинально) назначить по своему усмотрению тираж для издания, которое считает перспективным, поскольку монополию на определение тиража держит «Союзкнига» (ведь своей сети магазинов у большинства издательств, «разумеется», нет). Она делает это путем сбора предварительных заказов в своих магазинах, а иначе отказывается гарантировать распространение издания. Типография, в свою очередь, не берется работать над изданием, если оно ей почему-либо не подходит: например, слишком много иллюстраций, малый объем или тираж и тому подобное. Хорошо бы, кажется, выпустить сначала пробный тираж книги, а потом печатать ее в соответствии со спросом, но это невозможно. Типография не может хранить неизвестно сколько времени набор «в металле», для нее это чистый убыток, нерентабельно. Другим же оборудованием, позволяющим экономно хранить информацию (а такое, в принципе, существует), наши типографии не располагают, да они в нем и не заинтересованы: план дают, и ладно. Соответственно, издательству приходится завышать тираж издания или делать повторный набор либо вообще отказываться от расширения тиража, хотя это и нужно.

Подобная несопоставимость результатов работы разных узлов одной системы ведет к возникновению борьбы между ними. Скажем, торговля сопротивляется навязыванию ей «нужных» и «важных», но нерасходящихся книг. В то же время, хотя одно звено и старается защититься от внешней экспансии другого, оно полностью проницаемо, открыто для контроля сверху. В результате все звенья системы подчиняются не требованиям функционально-технологической цепочки, не процессу создания и распространения книги для читателя, а только

распоряжениям высшей инстанции, которая контролирует все ресурсы и моменты производственного цикла – кадровые, тематические, авторские, бумажные, полиграфические и прочие. Вместе с тем каждое отдельное такое звено, как уже говорилось, лишается связи с развитием и движением во всех других сферах общественной жизни, науке, производстве, образовании, культуре. Оно завязано лишь на единый центральный внешний пункт – редакции и управления Комитета.

Потому и получается, что хоть в последние два десятилетия и шел рост уровня образования населения, развивалась структура досуга, распространялось телевидение, то есть складывались и усложнялись новые самостоятельные области массового приложения культурных сил и интересов, тем не менее все эти процессы ни в малейшей степени не повлияли на деятельность издательств, магазинов, библиотек. Количество названий выпускаемой ежегодно литературы фактически замерло примерно на уровне 1960-х годов (так, в 1962 году оно составило 79,1 тысячи, а в 1982-м – 80,7 тысячи, к 1985-му же поднялось до 84 тысяч). А между тем именно по этому показателю можно судить, как расширяются круг вопросов и идей, волнующих общество, объем его актуальной памяти.

При нынешней централизации издательства не могут во всей полноте реализовать собственные программы жизнедеятельности. Да их попросту и нет, поскольку инициатива принадлежит исключительно центру, который ведает всеми материальными ресурсами, определяет, что такое доходы и их распределение или убытки и их компенсация. Импульсом развития издательств при этом могут быть лишь решения управляющих и координирующих инстанций. Планируемый переход издательств на хозрасчет (как и в 1920-х годах) мало что изменит в этом отношении, поскольку сохраняются прочие структуры контроля сверху.

Казалось бы, познать нужды общества в издании и распространении книг может помочь наука – социология книги и чтения, развитие которой сейчас поощряется. Она должна заметить отсутствующие универсальные экономические средства «обратной связи» между издателем и читателем, но дело в том, что такая, административным образом порождаемая социология представит издательствам лишь определенным образом ухоженное лицо читателя – такое, какое соответствует заказу Комитета. Видимо, при этом программа «удовлетворения разумных культурных потребностей», предусматривавшая сокращение всех прочих запросов при минимальном обеспечении грамотности и полном контроле над читателем, заменится программой эпохи дефицитарности. При этом социология будет выступать как своего рода «маркетинг» – управление спросом и предложением продукции с помощью фиксации приоритетных типов ее потребителей. Вопрос, конечно, в том, что это за маркетинг при отсутствии рынка, маркета.

В любом случае отбор образцов означает селекцию потребностей, а стало быть, и определенных типов человека. Но даже и при таком подходе без силовых приемов не внедрить в издательские планы то, что требует весьма отобранный и организованный читатель. Об этом свидетельствует вот уже пятилетний опыт проталкивания «Союзкнигой» составляемых ею списков книг массового спроса в издательские планы: в свет выходит не более 15 процентов предлагаемых ею названий, поскольку возможности маневров у издательств и типографий минимальны, а резервирование части ресурсов под «ходовые» книги сделает и сами эти ресурсы, и книги еще более дефицитными.

Нельзя сказать, чтобы отношения партнеров по издательской системе были легкими и благодушными. Напротив, их интересы сталкиваются довольно остро. В таких обстоятельствах за последние полтора года старые принципы управления системой приобрели даже агрессивную форму: «Хватит критики и болтовни, давайте хоть что-нибудь сделаем!» (При всей экстренности подобного призыва он оборачивается продолжением сложившегося положения вещей, которое не случайно, ибо с ним связаны материальные интересы многих.)

Как на пример того, в чем выражается «хоть что-нибудь», укажем на выпуск классики. Он осуществляется во всевозрастающем объеме и все более ограниченном наборе. Классика

выгодна издательству в сравнении с современной литературой: ее лист стоит на 2 копейки дешевле (а по всему тиражу это десятки тысяч рублей), работать над рукописью и конфликтовать с авторами не нужно, объемы издания точно известны и планировать полиграфические мощности можно легко. В итоге книгами «школьной» и «народной» библиотек, серией «Классики и современники», внесерийной продукцией центральных и периферийных издательств перегружены библиотеки, начинают насыщаться ими и книжные магазины, букинистические отделы. Выпуск даже бесспорной классики намного превышает число возможных потребителей, количество домашних библиотек, число семей. Например, А. С. Пушкин издавался с 1948 года 1999 раз общим тиражом 339,7 миллиона экземпляров, М. Горький – 2034 раза тиражом 197,6 миллиона, В. Маяковский – 948 изданий тиражом 161,1 миллиона, А. Чехов выдержал 1120 изданий тиражом 176,4 миллиона, Л. Толстой – 2191 издание тиражом 408,8 миллиона, М. Шолохов (с 1951 года) – 826 изданий тиражом 103,6 миллиона. Однако именно этих авторов Госкомиздат собирается и в ближайшие годы издать по безлимитной подписке разовыми многомиллионными тиражами.

Такова нынешняя практика «руководства чтением», нормирования одной и поощрения какой-то другой части литературной и научной культуры. Пусть даже она исходит из благих побуждений дать «самое лучшее» (разговоры управленцев о том, что доля хороших книг будет больше, если в целом книг выпускать меньше, велись с 1920-х годов постоянно, всякий раз приводя к печальному результату: как будто можно сделать воду чище, сузив трубу!), но на практике эта политика воспитания читателя оказывает угнетающее воздействие на культурный процесс, блокируя и деформируя его развитие не только сейчас, но и в будущем. Основа подобной практики – представление о качественно различной природе разных «видов» человека. Одна часть людей якобы обладает полнотой культуры и наделяет себя полномочиями руководить, править, награждать и лишать, другая будто бы пребывает в состоянии дикости и бескультурия. Это масса, состоящая из читателей, не обладающих никакими характеристиками, кроме одной – способности воспитываться. Но ведь именно такой читатель-недоросток, которого система предполагает в качестве объекта воспитания, ею самой и воспроизводится и социально, и идеологически.

Его нельзя обнаружить нигде вне стен массовой библиотеки и рамок массового книгоиздания. Здесь он в широком масштабе воссоздается как начальная точка культурного отсчета, здесь он формируется в его единообразии и некомпетентности, здесь задается как «чистая доска» и доводится до необходимой кондиции «активного», «разностороннего» и тому подобное; формула человека представляет собой схему работы институции от начальной фазы до конечного выхода, а сам институт воплощает существенные моменты административной организации общества. Оперирование репертуаром названий и тиражом разрушает нормальный порядок воспроизводства общественной жизни в ее реальном многообразии. Производя недоступное и ненужное, система умножает недоданное: она выпускает не столько книги, сколько собственные долговые обязательства.

С другой стороны, столь же неотъемлемым признаком существующей издательской системы является – при обращении к как можно менее подготовленному, но заждавшемуся и благодарному читателю – невнимание к потребностям экспертной группы знатоков и специалистов, «перескакивание» через них. Определенные книги и авторы при этом длительное время не издаются, что добавляет им символический потенциал. Книга, которую и при малом тираже могли бы достойно оценить носители литературной культуры, отлеживается, чтобы затем, уже в ином ранге (дефицита, роскоши), в другом типе издания (серийном или подарочном) быть переданной иным социальным средам.

В наше время сохранение подобного положения ненормально. Ведь зачастую нынешние читатели имеют гораздо более высокий уровень образования и культуры, чем те же библиотекари, редакторы, аппаратные чиновники. В дальнейшем это станет еще заметнее: к 1990 году,

как показывают расчеты академика А. И. Анчишкина, средний уровень образования занятых в народном хозяйстве составит двенадцать с половиной лет. Значит, увеличатся группы подготовленных читателей, переставших соответствовать критериям Госкомиздата. Еще более расширятся контингенты наиболее высококвалифицированных групп; рост их, отметим, идет самыми быстрыми темпами. 11–12 лет полученного образования, то есть не-полное высшее или среднее специальное, создают предпосылки регулярного общения с книгой – как минимум, 12–20 книг, прочитанных за год.

Что же получается? Широкий читатель выходит за рамки «подростковой» литературы, а его пытаются удержать в них, как бы возвращая к началу школьного обучения. Острее всего такая политика сказывается на тех, кто только вступает на арену общественной жизни, а в целом для общества это ведет к блокированию социальной инициативы различных групп.

Читатель из этих групп хочет стать взрослым. Ученическая форма ему тесна, и он более не расположен признавать усиленно рекомендуемую ему литературу. Этим отчасти объясняется низкая эффективность рекомендательной библиографии и литературной критики. К критике, скажем, обращаются лишь 0,5–1 процент читателей, фактически лишь те, кто профессионально включен в перекрестную групповую оценку участников литературной и издательской системы. Читательские же бестселлеры почти не попадают в поле зрения литературной критики или вызывают со стороны литераторов лишь демонстративное желание дистанцироваться от них. Критика и массовый читатель живут сегодня на разных этажах литературы. Рецензируемая часть словесности ориентировочно не превышает 10–15 процентов публикуемой продукции. Оценки критиков и читателей существенно расходятся, что мало кого волнует, а жаль.

Число «активных» читателей, располагая они нужными им книгами, составило бы сегодня 40–50 миллионов человек. Ни один из существующих разовых тиражей на такой спрос не рассчитан. Да они и не потребовались бы, если бы Госкомиздат с самого начала ориентировался на различные группы читателей, в том числе и на самые широкие слои, а не пытался, как сейчас, формировать и нормировать единые для всех массовые читательские потребности. Тогда бы, кстати, постепенно насыщался спрос новых читательских слоев. Теперь же речь должна идти не об удовлетворении их потребностей во всем объеме, а только лишь о том, чтобы помочь им сложить свой первичный культурный капитал. Нехватка книг, казалось бы, должна остро сказываться на положении книгоиздателей, книготорговцев, отчасти библиотечкарей. Так бы оно и было, если бы их ведомства отвечали перед читателем так же, как отвечают перед начальством. Но они отнюдь не ответственны перед потребителем, их положение ничуть не меняется от того, расширяется или сужается читательский контингент. Существующие же каналы давления общественного мнения на руководство соответствующих ведомств – скажем, через прессу – не слишком эффективны: большинство этих каналов теми же ведомствами и контролируется.

Массив читателей, изголодавшихся настолько, что нынешними порциями их не удовлетворить, по самой методе его кормежки не может знать и помнить прошлого: он ориентирован исключительно на современные издания, на только что вышедшие книги – по мере их доступности. С другой стороны, система воспроизводит своего партнера или потребителя в образе человека эпохи дефицита, нового социального персонажа, за последние годы вставшего рядом с традиционным «человеком воспитуемым». От лица этого нового героя и ведется сегодня деятельность по изданию книг и их распределению. «Человек эпохи дефицита» по своему близок воспитываемому читателю, авторитетен для него в силу собственного достатка и представляет верхний предел книжной культуры (прежде это относилось к статусу интеллигенции, теперь же на ее месте само ведомство). Распорядители ресурса, носители достатка стремятся свести к минимуму риск, конкуренцию, критику со стороны других групп. Для них самих вопросов в культуре нет, история ее завершена и кончается на них. Свои задачи они видят прежде всего в контроле над всем процессом создания и распространения книги. Этот

контроль осуществляется представителями руководящей «обоймы», занимающими ключевые посты в творческих союзах, издательствах, комиссиях, советах. Так расширяются возможности для «самоиздата» и других форм «взаимопомощи» авторов, входящих в эту группу, а уже с них, как с матрицы, спечатаются копии на всех других уровнях системы. Иначе говоря, на смену носителям «способностей» и субъектам «потребностей» в эпоху дефицита приходят люди «с возможностями», которые занимаются делом так, как они его понимают. Тем самым основной формой взаимодействия становится приватное общение «своих». Такое общество – по аналогии с экономикой – можно было бы назвать «вторым» или «теневым».

Поскольку на издательскую систему не влияют читатели со всем разнообразием своих интересов и вкусов, то эти интересы и вкусы и не учитываются при тематическом планировании, определении тиражной политики, расчете динамики отрасли. Ну, а оправдывается ограничение прав потребителя недостатком бумаги, реже – устарелостью полиграфической базы. Действительно, потребление бумаги для письма и книжной печати в нашей стране отстает от большинства промышленно развитых стран: в 1982 году в СССР на душу населения приходилось 5,3 кг, в ПНР – 5,7, в ВНР и ГДР – 13,1, в Великобритании – 32,2, во Франции – 38,7, в Канаде – 39,5, в Бельгии – 48,8, в ФРГ – 50,2, в Швеции – 60,1, в США – 62, в Финляндии – 63,2 кг. Много это или мало, если сравнить с потребностями читающего населения в его динамике? Только за последние 25 лет читательская аудитория со средним специальным и высшим образованием у нас в стране увеличилась в 5 раз, тогда как производство бумаги – лишь в 2,5 раза. По авторитетному свидетельству министра, уровень удовлетворения потребностей народного хозяйства по бумаге составил в 1985 году 59,4 процента.

Сравним с динамикой роста читательской аудитории разнообразие издательской продукции (поскольку, в принципе, за этим разнообразием должны были бы стоять социально дифференцированные группы). К началу 1930-х годов, закрывших эпоху НЭПа, в стране выпускалось 53,5 тысячи названий книг и брошюр, приходившихся на (берем максимально широкий слой) 10–12 миллионов потенциальных читателей, в 1939 году – 45,8 тысячи названий на 15,9 миллиона читателей; в 1985 году – 84 тысячи названий на 161,2 миллиона аналогичным образом вычисленной читательской аудитории. Стало быть, аудитория выросла более чем в пятнадцать раз, тогда как причитающееся ей разнообразие изданий – меньше чем вдвое.

Следует при этом учесть особенности нашего статистического учета, позволяющего всеми правдами и неправдами держать лидерство: из указанных 84 тысяч названий ежегодного книговыпуска только 45,2 тысячи идет собственно в продажу (прочее – ведомственно-инструктивная книжная продукция и тому подобное). Книготорговая же статистика других стран учитывает только коммерческий выпуск, то есть сюда не включаются, например, в США публикации правительств штатов, церковных организаций, университетов, школьные учебники, рекламные проспекты, отчеты фирм и лабораторий и тому подобное. Соответственно 76 тысяч названий книгопродукции США, занимающей второе место в мире, должны соотноситься с 45,2 тысячи у нас.

В расчете на 1 миллион населения число названий издаваемых в СССР книг составляет 300, что вдвое меньше, чем в США и Японии, втрое меньше, чем в ФРГ, Великобритании, Испании, Нидерландах, в четыре и более раза скромнее, чем в скандинавских странах. Уточним степень предлагаемого читателям разнообразия применительно к художественной литературе: доля ее в книгоиздании (по названиям) составляет для нашей страны 8 процентов, что в полтора раза ниже, чем в США, в 3–4 раза – чем во Франции, Бельгии, Швеции, Японии, в 5 раз – чем в Южной Корее. Доля же детской литературы (также по названиям) у нас 4–5 процентов, что – за разные годы – в 2–3 раза ниже, чем в КНР, в 4–5 раз – чем во Франции, и уступает практически всем крупным книгоиздательским странам. Приведем наконец ежегодное примерное количество всех названий книг, фигурирующих на рынках некоторых стран: ФРГ – 450 тысяч, Англия и Япония – по 300 тысяч, США – свыше 400 (а в иные годы и свыше

500) тысяч. Ежегодное производство новых книг в этих странах сопоставимо с нашим, но за счет постоянной допечатки тиражей, открытости рынков этих стран друг для друга суммарное количество представленных читателям книг существенно выше.

Не следует полагать, что дефицитной у нас является только художественная литература (да и она далеко не вся целиком). Остро не хватает детской литературы, научно-технической, энциклопедической, справочной, научно-популярной. Впервые стала дефицитной и значительная часть научных книг.

В целом мера разнообразия издательской продукции – количество названий выходящих книг на 1 миллион населения – фактически осталась сейчас на уровне 1913 года (тогда было 240), в расчете же на библиотечных читателей снизилась почти в 10 раз – 5357 тогдашних названий на 1 миллион записанных в библиотеки при 549 нынешних. Так складывается основная направленность работы системы – минимизация разнообразия при массивификации тиражей (тираж всех изданий вырос за эти годы в 18 раз). По модели, это схема, характерная для издания учебной литературы.

Книга как таковая перестала (или перестает) быть статусно-дифференцированным продуктом: при повышении уровня образования, изменении ценностей книжной культуры она оказалась в зоне достижения групп, которые раньше в ней не нуждались. Два-три десятилетия назад потребление книг было с достаточной четкостью разделено: с одной стороны, существовало известное тематическое многообразие сложной литературы для научной и культурной элиты, не имевшей конкурентов в потреблении «своей» книги, а с другой – ратифицированная, почти карточная система подписки на общеизвестные и массовые формы издания. Затем сформировался (или был создан) дефицит. На книги распространялось то же явление, что и на практически любые области потребления.

Дело не просто в нехватке товаров, а в том, что, как показал А. Г. Левинсон в работе о «макулатурной серии»³, стал складываться способ чисто социальным образом – посредством обладания дефицитной вещью – указать на высокий ценностный ранг ее владельца и потребителя. Система распределения товаров (неважно, получают ли их по списку, по подписке, за макулатуру или еще как-нибудь) работает как чисто социальный механизм группообразования, формирования, взаимного сравнения и передвижения групп и слоев. Теперь и книга выполняет роль опознавательного знака для отнесения себя к той или иной группе, отождествления с другими такими же субъектами.

III

В ситуации ставшего хроническим книжного дефицита издателю или редактору нет нужды гоняться за авторами, выбирая лучшего – того, кто, передав издательству свой авторитет, сможет обеспечить успех издания у публики и, соответственно, позволит издательству рассчитывать на признание не у какой-то одной ее категории, а на поддержку со стороны многих групп. Между тем если бы исключительно по успеху книги у публики судили о высокой социальной значимости текста, его ценности и важности, то многие вопросы – как определить точный читательский адрес книги, расширить ее аудиторию с помощью той или иной формы подачи и так далее – стали бы чисто техническими, проблемой квалификации издателя. Успех – четкий и ясный критерий, но нынешние издатели и редакторы, сортируя кандидатов в авторы у узких врат современных издательств, руководствуются отнюдь не им. Они во многом исходят из того, что им самим представляется в литературном, научном и прочих отношениях наилучшим, удобным, доступным, «нужным» и «интересным». И автор становится не предельно напряженной точкой фокусированной работы мысли, культурного синтеза и выработки новых

³ Статья имела продолжение, см.: Дружба народов. 1988. № 10.

идей, чувств, оценок, а лишь материалом для тиражирования вкусов редактора, норм его понимания литературности, научности, представлений о том, что «сейчас нужно».

«Успех», однако, не означает, что главным критерием издательской деятельности мы считаем именно массовый спрос. Это привело бы к резкому снижению качественного уровня издательской продукции. Но вот что любопытно: возникла новая журнальная ситуация – и структура оценок радикально поменялась. По данным четырех опросов читательских мнений (весна – осень 1987 года), самым популярным автором стал А. Рыбаков («Дети Арбата»), за ним (примерно равные по значимости) – Д. Гранин, В. Дудинцев, М. Булгаков, А. Твардовский, А. Ахматова, В. Набоков и некоторые другие. В. Пикуль – прежний фаворит «черного рынка» и книгообмена – ушел из десятки самых спрашиваемых авторов. Изменилось отношение и к публицистике: невероятный ранее успех статей Н. Шмелева, А. Стреляного, Ю. Черниченко, Г. Лисичкина, Л. Попковой, В. Селюнина и Г. Ханина и других (читатели требуют издать их вместе отдельным сборником) говорит о характере потенциальных запросов, не могущих быть удовлетворенными в условиях нынешней издательской системы.

Поэтому эффективной может быть только политика издательств, ориентирующихся на интересы и потребности разных читательских групп и лишь постольку могущих влиять на них существенным образом, готовить этот спрос, предлагая читателям то, чего еще не было в литературе и науке.

Мы отвлекаемся от многих других барьеров и фильтров, встающих на пути автора, – борьбы групп и течений в литературе, научных разногласий, идеологических проблем, но уже одна эта, проводимая систематически тактика нивелирования и обезлички через некое вполне обозримое время – 8–10–15 лет – обеспечивает любой сфере науки и культуры состояние тихого болота, поскольку воспроизводятся нормы и стандарты того уровня интеллектуальной культуры, который соответствует периоду становления человека как редактора или редактора как профессии. Как бы ни был этот уровень высок когда-то (а он, как правило, весьма низок), со временем он неизбежно снижается – и редактура сводится к тиражированию повторений, эпигонства, умственной и словесной рутины. Идет плановое производство той «серятины» и «пошлости», которые в последнее время стали предметом кокетливого гражданского негодования в литературе и науке.

Так, без какой-то чужой злой воли социальные механизмы организации литературы и науки только в одном их узловом моменте – при переводе идей и чувств как результатов индивидуальной работы в формы письменной культуры – блокируют инновационные структуры, создающие динамику интеллектуальной жизни. Понятно, что такие условия чрезвычайно выгодны редакторско-издательским работникам как социальной корпорации, появившейся, заметим, именно в ходе централизации книжного хозяйства и имеющей свои собственные, отличные от других групп интересы, поскольку редактор-литправщик превращается тем самым в «царя горы». То, что попутно усиливается, выкармливается определенный тип авторов, с которым кооперируется и вступает в союз издательско-редакторская служба, кажется понятным и так. Только этим можно объяснить иначе кажущееся иррациональным удлинение цикла редакционно-издательской работы с рукописью – 3–4 года. Вспомним для сравнения короткий публикационный период пушкинской поры или 3–6 месяцев работы в зарубежных издательствах. Постоянно растут также производственные и технологические расходы, и все это сказывается на стоимости книги.

Редактор к тому же парализует авторское право на индивидуальность, апеллируя к некоему обобщенному и почему-то всегда малограмотному читателю. Его требование звучит примерно так: «Нам нужно как можно проще, без этого, знаете, наукообразия и надзвездного интеллектуализма, птичьего языка, заумности. Нам нужно, как для пионеров». И если раньше издатель фактически был лишь техническим воплощением авторской воли и в этом видел свою профессиональную честь, то теперь редактор может с полным правом, как это часто слы-

пишь, говорить: «Мы работали над книгой...» Такая редактура, делающая, заметим, проблемы традиционной текстологии неразрешимыми и едва ли не отменяющая и самое текстологию, удобна для изрядной части писателей, расплодившихся в условиях устраненной творческой конкуренции, когда страницу одного «эпопейщика» не отличишь на слух от изделий десятка-другого его сотоварищей. Рождается феномен «секретарской литературы», и полностью или частично заблокирован выход писателям, не подпадающим под принятый стандарт. По законам работы больших социальных организаций возникает не раз описанный эффект «диктатуры троечников»: работает «понижающий трансформатор», когда сплочены в систему «разные типы и уровни неквалифицированного труда».

В результате отсекаются две категории авторов – ниже известного предела литературной или научной грамотности (для работы с которыми, собственно, и был создан редактор) и выше определенного уровня литературной одаренности и научной сложности, на который рассчитаны вкус и понимание редактора. В работе редактора, как правило, доминируют нормы научной и словесной культуры предшествующей фазы, 15–20-летней давности. Вместе с тем это совершенно не означает, что в результате его усилий воспроизводятся базовые слои культуры, культурное наследие, в котором прежде всего нуждаются наиболее массовые читательские слои. Ведь именно помеченная чертами признанности, классичности, удостоверенная авторитетом статусно более высоких и компетентных групп литература (а не «современная проза») создает основу культурной вселенной для широких слоев. Действующая же книжная политика прижимает возможности одних групп, а другим, «близким», предоставляет режим наибольшего благоприятствования. Расхождения в оценках и запросах массовых читателей и руководителей культуры в наибольшей степени затрагивают именно самые широкие контингенты населения – тех, кто впервые приходит к книжной культуре, но требует книг, обладающих давно сложившимся авторитетом.

Именно для этих групп нынешняя ситуация чрезвычайно жестка. Поскольку у них нет достаточного для независимости культурного капитала, перед ними альтернатива: принимать тот книжный поток, который есть, либо отказаться от него. Но реальное поведение в большинстве случаев снимает такой выбор. Как показывают специальные исследования, до определенного возраста идет интенсивное усвоение того, что дают (понятно, в рамках того, что есть), но с достижением известного уровня зрелости и читательской компетентности интенсивность чтения в наиболее широких слоях резко падает. Меняются интересы, стандарты вкуса, оценки. Дальнейшее горение становится невозможным без нового культурного топлива.

Возникает парадоксальная ситуация: от имени широкого читателя его лишают необходимого и возможного тематического многообразия предшествующей культуры, заставляя читать малоизвестных ему и не авторитетных для него современных авторов. Напротив, для авторских групп с самой высокой квалификацией закрываются возможности выхода в свет из-за того, что не хватает-де ресурсов даже для книг, предназначенных массовому читателю. Так последовательно снижается выпуск специальной и научной литературы, прежде всего монографического типа. Например, издательство «Экономика» снизило с 40 процентов до 17 планируемый выпуск книг, не собравших более 5 тысяч заявок. То же происходит и в крупнейшем издательстве по общественным наукам – «Мысль», и в других такого же типа. Если учесть, что средний тираж научной книги, «написанной трудно понятным широкому читателю языком», составляет 2 тысячи экземпляров, то последствия этого вполне очевидны. Стоит только до конца провести такой подход во всех научных и университетских издательствах, как возможность возникновения новых направлений в науке, и так, прямо скажем, невеликая, будет благополучно сведена к нулю. Например, «Лекции по структуральной поэтике» Ю. М. Лотмана, давшие начало семиотической школе, сейчас просто не смогли бы выйти в свет.

Мы не хотели бы быть понятыми так, что все большие тиражи следует срезать, а все малые – поднять. Иные малые стоило бы еще уменьшить, дело ведь не в цифре, а в раз-

мере аудитории, которым этот тираж обоснован. Скажем, участились жалобы на то, что залеживаются поэтические сборники молодых авторов, несмотря на все усилия работающих с ними редакторов. На них устанавливается тираж в 5–10 тысяч. Но он и не может разойтись, поскольку в таком назначении не учитывается действие механизмов социальной организации литературы. Для авангарда, еще не имеющего признания, необходим тираж максимум в 500–800 экземпляров, поскольку этот выпуск предназначен не широкой публике, а экспертной группе компетентных литературных критиков, культурных знатоков, рецензентов, высококлассных и авторитетных любителей поэзии, литературоведов, способных оценить новое, произвести среди деютировавших обязательную селекцию и отбраковку (ибо лишь они владеют необходимой для этого культурной рамкой – литературной традицией). Если же дать такой книжке больший тираж, то даже в нашей стране с ее гигантской читательской аудиторией он непременно «ляжет» на складах, что обычно и случается.

В принципе, в любой области, включая и науку, экспертная группа – группа первоочередного прочтения – гораздо меньше указанных объемов. Новизну идеи, глубину работы в любой научной сфере в состоянии оценить максимум 300–500 человек, работающих в смежных областях, и с учетом временной перспективы в 5–7 лет это и составит необходимый тираж научного издания в 1000–1500 экземпляров. Завышение же тиражей первой публикации свидетельствует, что работа ориентирована не на высокочлассных специалистов, стало быть, не несет в себе риск оригинальной идеи или новейшей информации, что она адресована, скорее, околонучной публике с неизбежно сниженным порогом компетентности.

В то же время издательская система должна быть достаточно гибкой, чтобы в случае признания и успеха книги тут же дать ей расширенный тираж, представив ее гораздо более широкому кругу специалистов и молодых ученых, читателей, непосредственно не связанных с данной темой. Но именно такой гибкостью наша система и не обладает. Поэтому книги, широкий успех которых гипотетичен, раз уж попали в план, издаются со значительным запасом, «на вырост». И в этом случае больший, чем нужно, тираж говорит вовсе не о заботе издателей о прогрессе в науке или литературе, а о том, что издатель не понимает интересов той дифференцированной, узкой отрасли науки или культуры, где производится новое знание и видение, не понимает самого смысла существования и деятельности подобных групп. Наука, как и литература, нуждается в своего рода напряжении, гонке за лидером, а это невозможно без максимально широких возможностей первой публикации. Злой парадокс – завышенные тиражи для немногих оборачиваются нулевым для многих: «Ведь у нас нет бумаги!»

В итоге издательская система оказывается не в состоянии соответствовать требованиям динамического развития науки, литературы, культуры, а стало быть, и общества в целом, ибо в самом худшем положении оказываются наиболее продуктивные категории научной и литературной элиты. Они либо гибнут, переставая работать, либо вязнут в своей, не имеющей выхода деятельности, теряя время, творческий потенциал. Это, видимо, одна из причин того, что, хотя каждый четвертый научный работник мира проживает в нашей стране, мы не держим первенства по значительным открытиям или исследованиям. Престиж науки, может быть, за исключением исследований, имеющих оборонное значение, эффективность ее (особенно в социальных и гуманитарных дисциплинах) систематически падают пропорционально росту авторитета контролирующего ее чиновничества. В любом случае фаза относительного признания и в науке, и в литературе отодвинута сейчас лет на 15–20 по сравнению с тем, как это было раньше.

В издательской системе явно видна тенденция окончательно освободиться от все же ошутимого, хоть и опосредованного давления творческих групп и еще более сократить количество выпускаемых названий, а уж за счет ампутированных первых публикаций узкого и специального назначения опять повысить тиражи нескольких десятков переиздаваемых (только лишь переиздаваемых!) книг «для всех». Это не просто культурный консерватизм, это ясно осознан-

ная политика аппарата, направленная на удержание власти в условиях, когда ведомство исчерпало ресурсы своего развития.

События последнего года в известной степени изменили положение в литературном мире. Особенно это заметно в периодике: ряд журналов с тиражом в сотни тысяч экземпляров стало невозможно купить в киосках – факт, ранее немыслимый. Участники нынешней литературной ситуации, судя по всему, соглашаются либо уже считать ее новой, либо надеются на ее обновление, намереваясь быть его инициаторами. Отсюда возникает вопрос, как каждая из литературных групп понимает ситуацию, кем себя в ней видит, на какое место претендует. Видимо, для многих новое – это ставший впервые доступным материал для издания или открывшиеся возможности доступа к нему. Старое же – то, что делает такой материал по-прежнему недоступным для издания (с точки зрения автора), покупки (с точки зрения покупателя), чтения (с точки зрения читателя). Но старое – это и книги, что есть «всегда» и по-прежнему никому не нужны, которыми завалены прилавки или полки в библиотеках.

Можно наметить два полюса в отношении к нынешней ситуации и ее новизне. На первом концентрируется группа тех участников, для кого остановки времени не произошло и потому у них нет ощущения, что время вдруг убыстрилось. Легко можно представить авторов, не выключавших свои часы, скажем, в конце 1960-х годов и посему не накопивших резерва нереализованного материала, который подпирает их сейчас. Но, с другой стороны, ощущения новизны, видимо, нет и у тех, кто и сегодня все еще не может получить доступа к изданию и выхода в культуру. Для них-то, вероятно, нынешние события развиваются в модусе некоего повторения: опять происходит нечто такое, что мы уже пережили.

На втором же полюсе собирается группа, для которой, напротив, все, что может быть интересного и важного, связано именно с нынешним днем: сейчас воплотятся наши самые заветные чаяния, сейчас мы получим то, чего так давно хотели и так долго были лишены. Это отношение «создавать-получать» тоже по-своему в самом общем виде характеризует группы на разных концах шкалы.

Помимо названных групп есть, разумеется, и те, кто пишет «в стол» без надежды на сегодняшнюю публикацию, то есть работающие в своем времени вне расчетов на существующие каналы тиражирования.

Перед нами, таким образом, набор разных положений на литературной карте, разных времен, то есть разных групп, в том числе и тех, для кого часы культуры еще не начали бить, кто еще не включен в литературную культуру. Почему же столь остро касается всех вопрос именно о каналах распространения, почему характеристики нового соотносятся именно с имеющимися средствами тиражирования и распределения? Означает ли это, что у нас нет другой литературы и науки, кроме той, что напечатана издательствами, подчиняющимися Госкомиздату? Если это так, то как же быть с литературным наследием, как определить тех, кто непосредственно связан с иноязычными литературами, в каких временах живут они?

Для человека с чувством исторического времени, того, кто помнит о «началах и концах», поколение существует только тогда, когда оно реализовалось, воплотилось в письменной культуре; те же, кто по тем или иным причинам этого не совершил, не стали поколением и до сих пор остаются молодыми, несостоявшимися. Потому сегодня иные сорока-пятидесятилетние авторы донныне называемы или называют себя молодыми, ведь они только «входят» в литературу, в культуру.

Но тогда и сама возможность включать и выключать культурное время является важным социальным ресурсом групп, располагающих властью. Манипулируя часами культуры, они выступают в роли ее распорядителей или владельцев и, формируя ее состав, решая, «кому быть живым и хвалимым», на правах монополистов осуществляют контроль, доминирование над всей, например, нынешней ситуацией (по крайней мере, применительно к большинству). Иначе говоря, ведомство, у которого есть возможность печатать или не печатать, определяет

состояние и образ литературы, хотя само оно культуры и не производит. Оно не печет хлеба, зато нарезает паек времени, паек культуры.

Соответственно, для того или иного поколения его современность определяется его современностью – совпадением начала его продуктивности с началом публикации, со временем предоставления в печатном виде своей умственной и душевной работы всем другим группам и поколениям. Тогда тираж – это масштаб представленности данного поколения на карте культуры, мера авторитета этой группы в сравнении с другими. Значит, сегодняшняя ситуация, которую и мы будем условно считать новой, состоит в том, что время как бы деформировалось, «спрессовалось» или «сплющилось». Для одних новизна – это сокращение разрыва между письмом и печатаньем. Для других она выразилась в геологической подвижке или смещении временных пластов, поскольку к моменту современного печатания разом подошло полтора-два поколения, не говоря уже о тех, кого допечатывают всякий раз (и опять предлагают допечатывать) еще с 1910–1930-х годов. Получается, что люди, вошедшие в культуру в начале века, снова стартуют сейчас вместе с начинающими.

В принципе, подобные ситуации уже возникали. Некоторые историки полагают, что неравномерный, прерывистый характер движения вообще характерен для развития культуры и искусства в России. Похожим образом положение складывалось, скажем, и в 1910-е годы, и четверть века назад, в 1960-е. Видимо, вообще каждый период форсированного развития будет характеризоваться вхождением в культуру нескольких поколений разом одновременно с ликвидацией – или, по крайней мере, обещанием ликвидации – предыдущих задолженностей. Если жесткость нормы поддерживать с тем же упорством, грядущим поколениям всегда останется, что опубликовать. Каждое отсроченное, запоздалое поколение тащит за собой и свое прошлое, и укороченное, если не утраченное будущее. Те, кто сейчас входит как «новые», влекут за собой и своих «старых» – современников и учителей. В результате и возникает та поражающая и грустная чересполосица, когда двадцатилетние входят одновременно с сорокалетними, плюс предки двадцатилетних, плюс предки сорокалетних: вчерашнюю новинку обнаружат вместе с наследием полувековой давности. Все это «новые», и все они в одном возрасте культуры. Так чье же это новое, у кого оно какое?

Бессмысленно ставить, по крайней мере, с такой прямоотой и однозначностью вопросы об обновлении применительно, например, к той не только литературной, но и шире – культурной – группе, для которой, в принципе, все всегда было. Она, скажем, прочла своего П. Чаадаева раньше, чем он был наконец выпущен год назад, – тогда, когда доросла до этого в силу владения определенными культурными ценностями и навыками, и знает не одного отдельного, вдруг выпяченного Чаадаева, но и публиковавшего его М. Гершензона, и все поколение, для которого Чаадаев стал нужен в связи со своими проблемами, помнит, и что было между ними и после них. Эта группа, для которой столь ожидаемые нынешние публикации не будут новинкой, в культурном смысле очень важна, причем важна и для деятельности всех остальных групп. Как ее обозначить? Элита? Скажем, держатели традиций литературной культуры, но не отдельных ее эталонов, а самого ее многообразия. Это прежде всего исследователи и знатоки, хранители, к примеру, мандельштамовских или ахматовских, да и других первоизданий. Для них ценность книги определяется не тиражом, не ее редкостью или массовостью, а самим текстом. Им нет необходимости ждать, когда «Книга» или «Советская музыка» издадут, например, сборник В. Высоцкого, как не ждали они, пока «Советский писатель» издаст Б. Окуджаву или М. Жванецкого, потому что они сами печатали и перепечатывали эти тексты на протяжении уже многих лет, переписывали песни на магнитофонную ленту (при тесноте коммуникаций в этой группе для сохранения и передачи текста достаточно и нескольких экземпляров). Важно, что ими в этом никто не руководил. Они – эксперты и сами производят литературу, дают ей первую оценку и интерпретацию. Для них ничего не изменилось, поскольку они и есть фокус, острое движения культурного времени; оно по ним меряется.

Уточним: те, кто сейчас широко публикует Н. Гумилева и В. Набокова, В. Ходасевича и Г. Иванова, сами в большинстве своем не принадлежат к этой группе. Для них – тех, кем подписаны врезки к нынешним публикациям в газетах и массовых журналах, – ситуация опять новая. Они вводят тексты в широкий оборот, меняют их публику, предоставляют литературу читателю, который ранее не был к ней подключен. Назовем их второй группой, группой последующих. Видимо, они не хранители культуры, а ее передатчики. Если функциональное значение первой группы в том, что она творит и передает литературу, создает и сам культурный факт и его первую интер-претацию, то вторая группа узаконивает и комплектует образцовый состав культуры, начиная длительный и многоступенчатый процесс передачи образцов (поэтому она и ждет признания не от первой группы, а от следующих за собой). Более того, они узаконивают себя через эту сортировку литературы, помечаемой в одном случае как маловажная, в другом – как достойная самого широкого внимания в качестве высших достижений. Характерно, что ни один из публикуемых ныне поэтов не вводится как «новый», спорный. Впрочем, они как будто и не «старые» (тогда они были бы по-прежнему проблематичными и потому непризнаваемыми именами). Квалификация их как «старых» повлекла бы за собой вопросы, кем и почему они не были признаны, фиксировалась бы не просто безопасная дистанция, но разрыв времен, нужен был бы комментарий, а он требует продумывания и переживания не только настоящего, но и прошлого, их этической оценки, анализа собственной позиции. Нет, они входят именно как «наследие», пускай с некоторыми оговорками, но все-таки в статусе «лучших» образцов. И эта специально приглушающая пометка очень важна как для восприятия вводимых авторов этим новым читателем, так и для характеристики группы преемников наследия. Как писал В. Шкловский, литературу надо социально разгрузить, чтобы сделать классикой.

Следующая за репродукторами группа – это нынешняя публика, которая впервые получила из рук лидеров вторичного процесса все то, что теперь называется «лучшими страницами поэзии и прозы XX века». Чем шире разовый объем аудитории, тем уже набор публикуемых авторов, их произведений или отрывков. Можно прикинуть масштаб если не всей группы таких читателей, то ее верхушки, скажем, через тираж «Огонька», на страницах которого состоялось самое массовое приобщение широкой аудитории к стихам поэтов и картинам художников, только что бывших эзотерическими, обращавшихся в узком кругу.

Новую аудиторию «Огонька» можно оценить в 4–5 миллионов читателей. Рядом с ними – на порядок меньшая, но столь же много ожидающая от новой ситуации группа тех, кто слышал или читал о Б. Пастернаке или М. Цветаевой, знает об их книгах, но не имел их и теперь претендует на обладание «Избранным». Проблема этой группы – именно книга, книжный экземпляр (а соответственно и тиражность). Здесь ждут не двух-трех стихотворений в «Огоньке», а двухтомника, желательно в хорошем, авторитетном издании, например, в «Библиотеке поэта». Ждут книг «серебряного века» русской литературы, но уже с несомненной маркой литературной классики и «научной» добротности.

И, наконец, последняя группа, которая только включается в культурное время, это те, кто ориентируется на канал поступления, на издание – серию, «библиотеку» и в этом смысле на тип авторитета, стоящего за каналом распределения, как бы эти авторитеты ни различались. Для них смысл новизны в том, что книга появилась в серии, скажем, «Жизнь в искусстве», «Мастера зарубежной прозы», «Библиотека фантастики». Отчасти такова аудитория массовых журналов, привязывающих публику к каналу регулярного поступления. Для этих двух аудиторий «новое» – синоним разрешенного.

Близки к ним, хотя и отличаются в некоторых отношениях, и подписчики собраний сочинений, абоненты «макулатурной серии». До них, если мерять новизну ситуации теми же символическими именами, Б. Пастернак может прийти в ближайшее время не в виде «Доктора Живаго» или тома в «Библиотеке поэта», а, скорее всего, в качестве трех-четырех стихотворений в книге, которая будет называться, например, «Русская муза XX века» и попадет к ним

в качестве приложения к журналу, подписки. Здесь значима прежде всего социальная организация доступа или представляющая ее персона и лишь потом и много меньше – имена авторов, публикаторов или, скажем, художника. Для тех, кто в социальном смысле беден, кто лишен доступа к особым, неформальным каналам распределения книг – будь то закрытые распределители, связи с библиотекарем или продавцом в книжном магазине, «жучком», «налимом», кто не имеет возможностей доплатить за книгу, выдать «два-три номинала» на «черном рынке» или же, наконец, записаться в крупнейшие библиотеки, для всех тех, кто вынужден обращаться в массовые библиотеки или рассчитывает лишь на макулатурные талоны, – все по-старому, ибо здесь ничего не изменилось, если не считать изменением ухудшение дел.

Итак, попробуем суммировать, в чем состоят новые черты нынешней ситуации, особо отмеченной для разных групп. Рискнем сказать, что общая мера современности для большинства – это возможности доступа к социальным позициям, к тем или иным «культурным образцам»: книгам, текстам, идеям, ценностям. (Иногда, впрочем, достаточно и знаков доступа – чем еще могут быть два стихотворения?) Образцы эти разные, и ярлыки, которые они получают при обеспечении доступности, тоже различны.

Посмотрим, у кого все же больше шансов найти читателя, кому давал «зеленую улицу» Госкомиздат. Если очень грубо сгруппировать высокотиражную литературу, то места распределяются так: русская классика (школьная); советская классика (школьная и пришкольная); подростковая романтически-приключенческая литература (отечественная и зарубежная); авторы, снискавшие популярность у критики остро социальными произведениями периодом раньше; писатели, занимающие ответственные посты. Сравним порядок тиражей и количество изданий за 1981–1985 годы представителей каждой из этих групп (мы берем позиции, открывающие «лидеров списков»): А. С. Пушкин – 176 изданий общим тиражом 100,5 миллиона экземпляров; А. Н. Толстой – 258 изданий, 63 миллиона; Д. Лондон – 60 изданий, 24 миллиона; В. Астафьев – 51 издание, 10 миллионов; Г. Марков – 32 издания, 4 миллиона. Укажем для сопоставления данные о нескольких авторах, открывающих списки «желаемого чтения» (по записям в библиотеках и опросам покупателей), чье художественное достоинство ныне признано: Б. Пастернак – 15 изданий тиражом 1,2 миллиона; М. Булгаков – 16 изданий, 1,3 миллиона; М. Цветаева – 9 изданий, 628 тысяч; А. Ахматова – 5 изданий, 168 тысяч; О. Мандельштам – ни одного издания. (При разговоре о расхитимости и недостатке тиражей следует учесть, что в стране на начало 1986 года насчитывалось 326 тысяч библиотек. Если в каждую направить хотя бы по экземпляру...) Иными словами, тиражируются отработанные, апробированные вещи. Такая же ситуация и в науке. Удручающее в целом состояние наших общественных наук – от искусствознания до экономики – помимо всего прочего, объясняется отсутствием возможностей публикации для исследований, выходящих за рамки многолетней тягостной жвачки, то есть прежде всего первых публикаций. В дискуссиях господствуют чин, а не авторитет, не мысли, а погоны. Отсюда хирение большинства академических журналов, год за годом теряющих читателей: с 1973 года «Вопросы философии» сократили тираж на 37 процентов, «Вопросы истории» – на 36 процентов, «Вопросы литературы» за десять лет – на 40 процентов. Это, конечно, предмет для отдельного разговора.

Для оценки разнообразия интеллектуальной жизни взглянем еще на объем и характер переводов всех видов литературы. Несмотря на общее значительное их число, приводимое в соответствующих справочниках, преобладающую часть их составляют переводы внутрисоюзные, то есть с языков народов СССР. Если же взять переводы с основных зарубежных языков, то мы окажемся где-то в самом конце списка развитых стран. Так, ФРГ, Испания, Франция выпускают в год 3–4 тысячи переводов с английского; Япония, Нидерланды, Швеция – 1,5; СССР – 700 названий.

Иначе говоря, за те годы, которые принято называть последними, проблема доступности обозначилась как центральная проблема культуры и социальной жизни. Именно с обеспе-

чением доступности целый ряд социальных групп связывает свое место в настоящем и положение в ближайшем будущем. Это касается не только групп литераторов или критиков, но и ведомственных организаций. В частности, и Госкомиздат, формулируя свои проблемы и перспективы, кажется, собирается ответить на сложившееся положение, когда подавляющее большинство читательских групп выражает недовольство тем, что такие-то книги им недоступны.

«Доступность» есть форма управления культурным процессом с помощью консервации определенного состава культуры – единого и всеобщего набора благ по принципу комплексного обеда. Эта ведомственная организация культуры выражается для разных групп по-разному. Для инновационных творческих групп она означает блокировку социального признания через устранение возможностей выхода «в печать», «в свет». В этих условиях и наука и литература существуют в единственно допущенной, противоестественной в своей единственности форме – устном бытовании среди «своих». Для других групп деформация литературного процесса на предшествующих стадиях означает возможность паразитировать на устраненном и забытом и, покровительствуя группам бывших «культурных лишенцев», самим превращаться в творца или, как минимум, в культурного лидера. Для публики этот же процесс оборачивается ожиданием, когда же и ей сервируют культуру в виде целостного и упорядоченного наследия.

Для Госкомиздата сохранение нынешней доминирующей позиции означает возможность в условиях постоянного роста культурного уровня публики оправдать свою деятельность через апелляцию ко все менее подготовленному, зато самому широкому читателю, которому гарантируется (точнее, обещается) безусловный рацион школьной программы. Тем самым распределительная экономика культуры производит необходимый ей недостаток, а вместе с тем и армию послушных исполнителей, лишенных творческого потенциала.

Для социологии условием изменения подобной ситуации является не обеспечение авторитетом науки принимаемых сегодня «временных» решений, а постоянное многостороннее и критическое осмысление существующего положения.

IV

Всякая сложившаяся бюрократическая структура перестает развиваться и становится почти абсолютно устойчивой и незыблемой. В условиях монополии управления каким-либо производством (даже при провозглашенной общенародной собственности на средства производства) мы можем говорить фактически о групповой собственности управляющей корпорации, поскольку ее право распоряжения, контроля над ресурсом, над кадрами, объемами и структурой производства носит абсолютный характер. Как «идеологически» оформляется это право, зависит от конкретной области производства и социальной сферы, а также от исторических условий. Важно лишь одно – на этом возникающем праве или привилегии кристаллизуются определенные групповые интересы, чрезвычайно близкие по своему характеру прежде всего к интересам собственности и усиления власти. Рост этих групп в соответствии с социологическими закономерностями развития больших организаций идет именно пропорционально возможностям власти и ее вторичным благам (престижу, особому обеспечению и тому подобное), он никак не связан собственно с объемом технической работы, то есть определяется групповыми интересами корпорации или организации. Многими экономистами подобные формы монополизма рассматривались как закономерные или даже оправданные в чрезвычайных условиях форсированной индустриализации и предвоенных лет. Более того, с течением времени они стали восприниматься как естественно присущие самому социализму, как единственно возможные. Так было до тех пор, пока дальнейшее усложнение социальной жизни, развитие производства не продемонстрировали угнетающий характер монополизма в любой сфере, вызванные им стагнацию и социальную патологию.

С осознанием этого обстоятельства встал вопрос о том, как должно или может быть упорядочено в социальном и правовом отношении взаимодействие различных по своим интересам групп. В настоящее время главная проблема видится в том, что отсутствуют правовые и организационные формы представления групповых интересов, ценностей на общественной арене. Это не значит, что этих интересов нет. Напротив, жизнь показывает, что именно они-то и определяют динамику и направление социального развития общества, воплощают в себе всю сложность современного, интенсивно развивающегося целого, испытывающего постоянную дифференциацию своей структуры – профессиональной, социальной, групповой, институциональной, региональной, национальной и тому подобное. Будучи «непризнаваемыми», загнанными вовнутрь, они не исчезают, а становятся неподконтрольными, принимают «извращенный» или «превращенный» вид. Скрытыми они оказываются потому только, что какая-то одна определенная группа общества (ведомство, организация и тому подобное) в данной сфере представляет свои интересы как всеобщие, что неоднократно раскрывалось в последнее время в критических публикациях о последствиях деятельности корпорации-монополиста (Гидропроекта; министерства, выросшего на хлопке; министерства связи и прочих). Непроявленность групповых интересов ведет в конечном счете и к «теневой экономике», и к несокрушимым ведомственным барьерам, к парадному внешнему общественному монолиту, декларируемому в передовицах газет. Нынешняя острота социального и экономического положения связана – подчеркнем еще раз – именно с отсутствием нормальных форм представительства и регуляции групповых интересов. Вопрос этот является, собственно, вопросом демократии при социализме и касается не только политических, но и правовых, экономических отношений, а также и регуляции доступа различных общественных групп к средствам массовой и печатной коммуникации. Без этого все разговоры об ускорении, о кооперативных формах производства и обслуживания будут «разговорами в пользу бедных».

Все процессы коммуникативного и ресурсного обмена, взаимодействия в сложном обществе не могут не быть упорядочиваемы нормальными представительскими социальными механизмами – печатью, правом и экономически – рынком. Рынок – это не место купли и продажи, а, как говорят социологи, специфический социальный институт обмена обобщенно символических ценностных содержаний в своеобразной универсальной форме, например, денежной. Экономические показатели или индексы рынка – не просто курсы того или иного предприятия; это специфическое указание на социальную значимость соответствующих производимых благ и эффективность их производства, распределения их между различными группами, а стало быть, и на масштабы и влияние этих групп в обществе.

Альтернативой этим обобщенным формам регуляции выступает административная система жесткого нормативного, волевого или силового контроля путем принятия и реализации громадного количества различных актов: ГОСТов, ОСТов, инструкций, распоряжений, постановлений, указов и указаний. Чем сложнее система, тем во все большем противоречии друг с другом оказываются эти акты. Они не стыкуются между собой и взаимопарализуются, что мы и видим в любой области хозяйства и культуры.

Отсюда возникает вопрос: каким же путем могут осуществляться новые тенденции в общественном развитии?

Частично ответ на него даст предполагаемая реформа управления экономикой, которая должна ослабить контроль министерств и ведомств над отдельными предприятиями, усилить их автономность и самообеспечение, способность к гибкому реагированию на требования производства, потребителя, общества в целом. В самом общем виде эти императивы развития для издательской отрасли означают необходимость постоянно растущего многообразия издательств и их типов, децентрализацию управления, большую самостоятельность предприятий в решающих вопросах планирования и обеспечения ресурсов, а также создание (или возвра-

щение) издательству собственной полиграфической базы, как и собственной системы распространения продукции.

Напомним читателю утверждение автора одной давней статьи, которое и спустя 58 лет звучит куда как актуально: «Издательские предприятия всегда будут расти более планомерно, ибо они увеличивают свою базу соответственно редакционным планам издательства, а этого твердого базиса в ВСНХовских типографиях нет и не может быть».

На наш взгляд, речь должна идти не о разрушении имеющихся старых форм, а об ограничении их через дополнение, через создание новых и адаптацию тех промежуточных структур, которые, в принципе, сохраняют возможности развития. Так, в издательском деле выходом из коллапса, в котором оказались отрасль и система книгораспространения, видимо, может быть только целый ряд мер, включая и возвращение научно-исследовательским институтам и вузам собственной издательской базы и издательских прав, их независимость от Госкомиздата, в ведении которого должны остаться лишь функции координирования многотиражных изданий и расширенных переизданий книг и переводов уже признанных экспертами работ.

Должна меняться и роль журналов, альманахов, особенно «толстых» журналов. Поскольку они в значительной степени базируются на подписке, то есть на прямой поддержке и дотации читателей, еще точнее – вполне определенных групп своих читателей, то они в отличие от подведомственных издательств не могут успешно функционировать без собственной программы. (Вспомним, что исторически подписка возникла из коллективного меценатства, из поддержки того или иного автора, издания определенной группой. Финансово поддержка осуществлялась в форме складчины.)

Другой пример – кооперативные издательства. Сказали о них – и тотчас встает вопрос, откуда возьмутся ресурсы, бумага, типографское оборудование, если их, как говорилось, кроме принадлежащих Госкомиздату, «естественно, нет» и не предвидится. Откуда же они вдруг сами по себе возникнут?.. По понятным причинам Госкомиздат всячески противится подобным затеям. (В этом отношении положение точно такое же, что и с кооперативами в системе обслуживания, конкурентами соответствующих ведомств.)

Компромисс – основа реальной политики. Поэтому, видимо, имеет смысл начать с расширения журнальной деятельности, создавая при журналах (вначале хотя бы путем различных приложений к подписке, сбораний, дополнительных и специальных выпусков и тому подобное) книжные серии и издания, на первых порах хотя бы в качестве конволютов – сборников лучших произведений, опубликованных в журнале. Постепенно расширяя круг изданий, адресованных своей аудитории, журналы, продолжая собственную, уже имеющуюся внутри-журнальную структуру разделов, могли бы гораздо более полно и гибко отвечать на ожидания и запросы своих читателей, печатая уже не только беллетристику, но и вещи публицистического или научного свойства – экономического, исторического, философского или психологического толка, не пугаясь их «сложности» или «абстрактности». Дело лишь в том, чтобы не лукавить и публиковать именно то, что серьезно и важно для жизни и души, а там уж человек сам разберется во всем, если захочет.

Журналы конца прошлого – начала этого века при всем многообразии не боялись сложности, публикуя не только отечественных ученых, но и правилом своим считая оперативные переводы новых работ зарубежных историков, философов и искусствоведов, даже естественников. Фактически читатель был в курсе новейших течений и в науке и в искусстве, во всей духовной жизни. А как же могло быть иначе? Кто бы тогда выдержал конкуренцию? Сейчас же какой журнал впрямую рискнет на это? А без такого ознакомления закрепляется и воспроизводится существующий разрыв культурных уровней, упрочиваются барьеры специализации различных интеллектуальных профессий и занятий.

Судя по данным социологических опросов, читающая публика вовсе не настолько «ленива и нелюбопытна», как хотят нас уверить редакторы или как это считается по инерции.

В стране, особенно у молодежи, существует острейший книжный голод на первоисточники, на социальное, историческое, философское, психологическое знание – основу самоопределения человека. Другое дело, что многое из предлагаемого не просто несъедобно, но и отбивает всякое желание думать самому, всякую надежду на появление другой продукции, чем бесчисленные «Разговоры по душам», «Дорогами отцов» и прочая брошюрятинка, килотоннами которой заставлены полки библиотек.

Если вспомнить историю прежних журнальных предприятий того типа, о котором идет речь, «Библиотеки для чтения» Смирдина или Марксовой «Нивы», символистских журналов, «Вестника знания» Сойкина, «Недр» Ангарского, то можно утверждать, что риск такого рода в наших условиях будет вознагражден читательским успехом. Экономически это и стало бы практически расширением форм собственности путем создания смешанных акционерных предприятий, кооперативных издательств. Именно в них многие ученые видят сейчас некоторый выход из тяжелого положения, в котором оказалась социально-экономическая жизнь в результате монополистического развития отдельных ведомств.

В печати уже не раз утверждалось, что именно журналы, хотя они и охватывают сравнительно небольшую часть издательского процесса, задают тон в литературе. Однако журнальные издательства обладали бы еще одним преимуществом: они могли бы быть избавлены от диктата торговых посредников, например, «Союзкниги», поскольку существуют на подписке, а не на системе предварительных заказов, которые ничего не гарантируют читателю, а лишь затягивают выход книги в свет. Журнальные издательства могли бы не только освободиться от удлинения сроков, но и от прямого давления чиновников, «согласующих» и контролирующих состав авторов и книжных названий. Журнал руководствуется своей литературной и общественной программой, напрямую выходит с ней к читателю и принимает во внимание, как хотелось бы надеяться, лишь характер читательской поддержки в виде динамики роста или падения подписки. Иными словами, здесь работают непосредственно универсальные экономические механизмы, представляющие в единственно возможной для сложных систем форме всеобщего посредника – денег – аккумуляцию ценностных предпочтений публики, голосование рублем.

По крайней мере, подобные проекты могли бы обещать некий выход из застоя книжного дела. Пока наши политэкономы и экономисты договорятся с министерствами и комитетами о статусе оптовых магазинов средств производства, позволяющих существовать различным смешанным, кооперативным, артельным и другим самодеятельным коллективным формам производства и обслуживания, журнальные издательства могли бы значительно оживить нашу общественную и интеллектуальную жизнь. Об этом можно косвенно судить по некоторым газетам и журналам, поднявшим свои тиражи и популярность у читателей и встряхнувшим казавшуюся уже вечной апатию. А ведь то, что подразумевается под «перестройкой», есть в конечном счете усиление многообразия социальной и культурной жизни, полнокровность иных, не административно-принудительных связей и отношений⁴.

1988

⁴ См.: Левинсон А. Макулатура и книги // Чтение: проблемы и разработки / Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина. М., 1985; см. также: Левинсон А. Опыт социогрaфии. Сб. статей. М.: Неприкосновенный запас, 2004. С. 259–289.

Параллельные литературы: попытка социологического описания

Со страниц прессы нередко звучит теперь сожаление о том, что среди многих вещей, отсутствие которых как-то «внезапно» обнаружилось, нет у нас и надежных данных о чтении, отсутствует социология литературы.

Все вроде бы так – и не совсем. Разве критика и школа десятилетиями не учили, кого мы в первую очередь должны были читать? И разве со столь же высокой степенью определенности не было известно учителям, библиотекарям, книготорговцам, кого реально читают и хотят читать обычные читатели? Или не было все эти годы «черного рынка», отделов книгообмена, толп в больших книжных магазинах, ожидающих вывоза к прилавкам дефицитной книги? И, наконец, разве четверть века читателей в библиотеках, дома, в магазине и на работе не спрашивали, что они читают и хотят прочесть?

Конечно, все это было. Так почему же сегодня опять задаются подобными вопросами? Не потому ли, что никто всерьез не интересовался своими партнерами? Читатель не обращал внимания на критику (за нею хоть как-то следило менее одного процента публики), а критики и издатели в подавляющем большинстве занимались взаимным обслуживанием и имитацией проблемности. Какие только дискуссии не разгорались на страницах литературных журналов: то становился проблемой «положительный герой», то планировалось «дальнейшее развитие национальных литератур», то возникала потребность уточнить «место современного отечественного романа в мировой культуре» и проч. и проч. Вот так одни критики замолчали, другие предпочли уйти в историю литературы, третьи, уверив себя и других, что «иного не дано», что это и есть реальность, а сила важнее правды, убеждали, будто выбора нет, да и не нужно его, тем самым своею волей сужая и без того незначительное пространство выбора и свободы. Общество к началу 1980-х годов все приметнее погружалось в безразличное отбывание срока жизни.

Нынешний разлом не просто обрисовал скрытую прежде групповую структуру общества, но и обострил взаимный интерес разных групп друг к другу. Отсюда резко возросший спрос на реальную, оперативную социальную информацию, надежные сведения, которые дают не только диагноз ситуации, но и возможность использовать их в практике совместной жизни, в том числе и для понимания перспектив.

Чем на этот вопрос может ответить социолог? В открытую печать до нынешнего дня попадала незначительная толика информации, к тому же очень отполированной: служебное положение социологии делало свое дело не хуже любой цензуры, а монополия литературной власти предreshала ответ на вопрос, кто же у нас самый-самый. Архивы свои социологи чтения не раскрывают и лишь в самое последнее время рискнули о них упомянуть.

Но дело не только в слабой информационной базе для вынесения оценок. Проблема – в системе координат, которая позволила бы увязать собранный материал, осмыслить его. Речь идет о том, как сцеплены в нынешней – сложной, переходной и еще не полностью определенной – читательской ситуации характер литературной власти, организация литературной жизни, состояние книжного «предложения» и структура читательских «запросов».

Начать придется с обстоятельств вчерашних, и по одному простому резону: самые читаемые сегодня книги и авторы – книги и авторы вчерашнего, а нередко и позавчерашнего дня.

Но тогда из чего же складывается бесспорное ощущение новизны в литературе? И кто чувствует эту новизну? В чем именно видит новое?

Проще всего сказать, что круг авторов, привлекающих самый острый интерес читателей, за последние два-три года решительно изменился. По опросам последних месяцев, прове-

денных разными социологическими группами, фокус читательского внимания переместился в область журнальной прозы. И самыми значительными здесь читатели считают ранее не публиковавшиеся произведения – от А. Платонова до А. Битова и Л. Петрушевской, литературу русского зарубежья – от В. Набокова до Саши Соколова и документалистику (публицистические статьи и очерки по истории, экономике, политике, праву, воспоминания и собственно документы). Приведем результаты февральского анкетирования двухсот с лишним тысяч подписчиков «Литературной газеты»⁵, представляющих все регионы страны и все социально-демографические и профессиональные группы населения (в порядке убывания):

А. Рыбаков, В. Гроссман, В. Дудинцев, Б. Пастернак, А. Жигулин, А. Платонов, М. Булгаков, В. Селюнин (статьи в «Новом мире»), А. Приставкин, Н. Шмелев (статьи в «Новом мире»), Ю. Домбровский, Ю. Щекочихин, В. Пикуль, В. Войнович, Л. Разгон, Д. Гранин, Б. Васильев (серия статей в «Известиях»), Е. Лосото, В. Короленко (письма к А. Луначарскому), Ф. Бурлацкий, А. Ваксберг (сборник статей «Иного не дано»), Н. Амосов, А. Ципко, А. Нуйкин, Е. Евтушенко («Притерпелось» в «ЛГ»), Н. Карамзин, Д. Волкогонов, В. Шаламов, Е. Замятин, Ю. Щербак и так далее, и так далее – примерно 100 авторских имен и названий произведений, собравших более 50 упоминаний каждое.

Из вошедших в список имен и произведений 94 процента не могли быть изданы еще несколько лет назад. Причем среди них собственно зарубежных авторов и книг почти нет: исключение – Библия, «Слепящая тьма» А. Кёстлера, «Замок» Ф. Кафки, «Полет над гнездом кукушки» Кена Кизи.

Наиболее значимый массив самой популярной литературы сегодня – оперативная отечественная публицистика (и близкая к ней социально-критическая литература), а также, условно говоря, литературное наследие репрессированной русской словесности. А здесь, как показывает недавнее исследование Института книги при Всесоюзной книжной палате, открывается длинный ряд только еще начавших упоминаться имен – от А. Солженицына и И. Бродского до А. Зиновьева и А. Некрича.

Разумеется, требовательные и внимательные читатели не упустили из виду и новые, появившиеся в последние два-три года имена – Т. Толстой и С. Каледина, В. Пьецуха, Евг. Попова и многие другие. Но их часть в литературном потоке не превышает той мизерной доли, которая у нас вообще падает на литературу молодых. Устранив жестокие фильтры издательств, можно, конечно, увеличить выпуск этой экспериментальной словесности, но она не становится сразу же предметом массового читательского интереса и спроса. В этом смысле не она задает основной тон книгоизданию, не делает сегодняшнюю погоду.

Вместе с тем не определяют ее теперь и недавние корифеи, так сказать, общегосударственной популярности, те, кого поддерживал аппарат ведомств по культуре, литературе, идеологии. Разговор о них нужен особый, поскольку это значимая и живая пока часть нашей общей истории. Ограничимся беглым эскизом и отметим, что ни Ю. Бондарева или П. Проскурина, ни А. Чаковского или М. Алексева, тем более Г. Маркова или А. Софронова среди своих избранных читатели не числят. А вот о проблемах наследия, которое стало одной из движущих сил литературного обновления, поговорить бы хотелось подробнее. В каких условиях и на каком фоне это наследие создавалось? Кем сохранено? Для кого оказалось сегодня актуальным? И что все эти, казалось бы, внутрилитературные процессы дают для понимания нашего общества, его истории, нынешнего дня и перспектив?

⁵ Подробнее об этом см.: Есть мнение! Итоги одного социологического опроса. М., 1990.

Победители 1970-х: литература на гидропонике

Прежде всего – о фоне процессов обновления, о властителях народных дум начала 1970-х – начала 1980-х годов. Имена этих Великих Писателей Земли Русской (сокр. – ВПЗРов) по отдельности уже обнародовались, хотя, надо заметить, с непростительным запозданием.

В начале 1989 года «Книжное обозрение» назвало писателей периода цветения болота, времени застоя. Именно тогда принимали свои первые общегосударственные премиальные знаки отличия М. Алексеев (1976), Г. Марков (1976), Ю. Бондарев (1977), А. Чаковский (1978), П. Проскурин (1979), Ан. Иванов (Гос. премия СССР – 1979, премия КГБ – 1983), И. Акулов (1980) и т. д. Рассмотрим их вместе как реально действующую группу авторов, объединенных по нескольким признакам.

Они наиболее издаваемые, и тут с ними сопоставимы лишь самые авторитетные русские классики («Школьная библиотека», «Классики и современники», безлимитная подписка) да зарубежная экзотическая героика для юношества типа Д. Лондона, А. Дюма или Джованьоли (в изобилии тиражируемая «макулатурной» серией); они занимают ведущие позиции в иерархии литературной власти. Им принадлежат руководящие должности в корпусе ведомственной писательской бюрократии и немалые посты в государственно-административной системе; они контролируют ряд «толстых» литературно-художественных журналов, а также связаны по аппаратной и представительской линиям с другими ведомственными верхами; их роднит образ воссозданного в их произведениях мира, точнее – та точка зрения командных высот, с которой обозревают их протагонисты стройную («несмотря на...») целостность отечественной истории последних шести десятилетий, а нередко и шести столетий (или даже тысячелетий).

И, наконец, сами дежурные приемы построения этого внушительного эпического монолита постоянно переключаются из одного «нетленного» трехтомного труда в другой.

Все эти объединяющие признаки не случайны. Рутинеры по самому своему назначению и экстремисты в отношении всего, что выходит за пределы общепринятого повторения, лидеры чтения 1970-х годов могли таковыми стать, только объединившись и употребив власть.

Современники помнят, а более молодые могут сегодня и прочесть о том, как чисто социальными способами – оговором перед властью предрержащими, оттеснением от читателя, разного рода санкциями – они вытаскивали из области печати всех, кто мог им противостоять, составлять конкуренцию, задавать иной масштаб оценки и происхождения и их творчества. В результате ведущие представители литературы 1960-х годов оказались вне литературы – за рубежом, «в столе», в «смежных жанрах» (истории литературы, исторической романистике, переводах и т. п.), их почти не печатали. Осколки их поэтики были собраны и склеены победившими эпигонами для собственных нужд. Так оказались соединены достижения родоначальников военной и деревенской прозы – той первой поросли социально-критической литературы, которая пробилась в краткий период оттепели. Эти находки были затем «облагорожены» реликтами частично возрожденного к тому времени «серебряного века» (от И. Бунина до М. Булгакова) и эпически-толстовской перспективой в бесконечном ее отражении у (эпигонов же!) А. Фадеева и М. Шолохова, Л. Леонова и К. Симонова. Опираясь на прямую собственную социальную власть и поддержку сопредельных ведомств (от владеющего ресурсами Госкомиздата до распределяющего премии КГБ), они получили и остальное: весомый статус эталонных носителей успеха, самую широкую на тот момент читательскую аудиторию, весьма значимое для нее подкрепление в виде тоже регулярно премируемых телеэкранизаций и каналы массового тиражирования и переиздания (например, «Роман-газету», являющуюся благодаря ее гигантским тиражам трамплином в самую массовую среду читателей). Только полностью оккупировав территорию литературы во всех ее значимых «высотах», они могли удерживать свое влияние беспрепятственно 10–15 лет.

Сегодняшние выступления критиков и публицистов «Нашего современника», «Молодой гвардии», «Москвы», «Литературной России», точно такие же по тону и манере, что и в 1970-х годах, когда они выступали против «новомирской линии» в литературной политике, производят совсем другое впечатление. Это озлобленные, но беспомощные, довольно неуклюже инсценированные – в манере киноэпопеи «Освобождение» – мелодраматические бои за кресла в секретариате Союза писателей. Уходя с социальной авансцены, они оставляют серию вопросов на будущее, которые – хотим подчеркнуть – стоит принять всерьез.

Как могло случиться, что эта ничтожная группа творцов бутафорской, синтетической словесности сумела на полтора десятка лет заместить для широкого читателя едва ли не все сколько-нибудь существенное в мире литературы? Какие ценности, образы мира и человека, представления о нормальном и должном несла с собой эта фантомная, тривиальная литература? Насколько и как широко вошла она в сознание читателей? И, наконец, что же «победителям» противостояло?

«Гетто избранничеств»: структура и тематика самиздата

Непримиримо, целиком и полностью – прежде всего так называемый «самиздат». Само это слово устойчиво связывается в массовом сознании, сформированном систематическими кампаниями брежневской прессы, с политическими сочинениями диссидентов. В символическом плане это абсолютно верно, так как именно в этих группах противостояние сталинско-брежневскому репрессивному режиму, пусть одряхлевшему и не такому жестокому, как в 1930–1940-е годы, было наиболее выговоренным и последовательным. Здесь впервые в нашей стране были сформулированы принципы правового государства, демократии, открытости и плюрализма, терпимости, которые заново открываются на страницах газет и журналов в наше время. Именно здесь открыто обсуждались проблемы истории страны, ее узловых, судьбинных моментов – революции, НЭПа, коллективизации и ее цены, массовых репрессий, монополии господства, а также вопросы разделения властей, экологической ситуации и прочие предметы, сегодня наиболее дискутируемые.

Но вместе с тем внимательный разбор позволяет обнаружить в самиздате практически все виды и типы издательской продукции, почти полное соответствие тому, что находило выражение в официальном книгоиздании. Здесь представлен весь круг вопросов, тем, видов литературы, на которую предъявляло спрос общество и которую не в состоянии был обеспечить Госкомиздат. Что же здесь обращалось?

Начнем с самого «безобидного»: хоббистская литература – книги о животных, об уходе за ребенком, сыроедении и иглоукалывании, правилах хорошего тона, сексологическая и медицинская литература, самоучители самого разного назначения – от английского языка до самбо и каратэ; книги о том, как добиться успеха и держать себя в форме, фантастика, детективы и проч.

Следующий пласт литературы, активно функционирующий по каналам межличностных отношений, – словесность «серебряного века» и 1920–1930-х годов, представляющая собой перепечатки со старых изданий, ксероксы тамиздата: Осип Мандельштам и мемуары Надежды Мандельштам, А. Ахматова, А. Платонов, М. Кузмин, Н. Гумилев, В. Ходасевич, М. Булгаков, Е. Замятин, Б. Пильняк и многие другие. Затем – современная литература, не получившая доступа на страницы журналов: Г. Владимов и В. Войнович, А. Солженицын и В. Гроссман, А. Зиновьев и Ю. Алешковский, Л. Чуковская и А. Кёстлер, И. Бродский и А. Битов, авторы «Метрополя».

Разумеется, эта литература не была изолированной, а шла в контексте, в сопровождении мемуарной, историко документальной и очерковой прозы, а также в дополнении, осмыслении и разработке (что характерно!) зарубежной славистики, социальной аналитики и эмигрантской публицистики. А кроме того, такого рода литература плавно переходила в зарубежную и эмигрантскую русскоязычную (и только русскоязычную!) периодику, печатавшую, то есть воспроизводившую уже в печатной форме, машинопись самиздата. Как и всякая периодика, она дополняла и комментировала, сопровождая актуальной критикой и аналитикой, то, что публиковалось здесь же в разделах прозы и поэзии (в самиздате ни критики, ни полемики как таковой не бывало).

Позже, после третьей волны эмиграции, пошла молодая проза московских и ленинградских писателей, ставших известными уже после отъезда, – С. Соколова, Э. Лимонова, В. Марамзина, С. Довлатова, Б. Хазанова, Ю. Мамлеева и т. д.

Можно также назвать очень важный, внутренне чрезвычайно разнородный и многообразный тематический раздел – религиозную литературу. То, что здесь читалось, осмыслялось и людьми изначально верующими, и крестившимися недавно (уже в 1970–1980-е годы, так называемыми «новыми христианами»), и неверующими или равнодушными к вопросам теологии,

но ищущими ответы на этические вопросы, было крайне пестро по составу: здесь рукописные молитвенники или Псалтыри, синодальные Библии, христианская теологическая литература самого широкого профиля – от антропологической до патристики, начиная с проповедей и житий и кончая социально-ориентированной религиозной публицистикой, вроде «Вестника РХСД» и изданий «ИМКА-Пресс», например, сочинений митрополита Антония. Освещались не только вопросы церковной жизни и недавней ее истории, гонений и репрессий – воспроизводились основные идеи русских религиозных мыслителей, отчасти даже выходящих за рамки ортодоксального православия (не только, скажем, Г. Якунина или Д. Дудко, но П. Флоренского, Н. Бердяева, С. Булгакова и других). Помимо православной, обращалась и еврейская, и католическая литература, сочинения мистиков и визионеров.

Сказав о религиозной книге, мы должны назвать и весь массив произведений по русской философии – от В. Зеньковского или Л. Карсавина до Л. Шестова и «веховцев», В. Соловьева, Н. Федорова и других, начавших появляться в журнальной форме или планируемых к изданию лишь в самое последнее время. Заметим также, что одно лишь обещание издать их типографским образом (в качестве приложения к журналу «Вопросы философии») немедленно в три с лишним раза подняло тираж последнего, год за годом перед тем терявшего читателей и подписчиков. (Хотя от обещаний до их реализации дело, видимо, дойдет еще не скоро.)

Фактически так или иначе в самиздат проникали в отрывках или в виде отдельных сочинений работы всех направлений современной мысли – от К. Поппера и «новых философов» до неотомистов или комментаторов дзен-буддизма. Кое-что из этого предполагает выпустить в ближайшее время издательство «Прогресс».

Идя дальше по нашему «музею самиздата», оставим в стороне эротику (любого рода – от высоких мировых образцов типа «Камасутры» до любительских переводов Г. Миллера и вульгарной порнографии), западный и восточный оккультизм, необозримое хранилище статей и книг об НЛО, йоге и т. п. – все то, что подлежало цензуре в печати и библиотеках или было по крайней мере «литературой ограниченного пользования», не выдававшейся в залы или выдававшейся «на ответственного» в залах спецхранов. Мы подошли к наиболее напряженной зоне – литературе социально-аналитической, исторической и критико-идеологической, закрытой даже в спецхранах «общего пользования» (хотя сейчас понемногу и здесь кое-что открывается). Речь не только о работах уничтоженных вождей революции, теперь постепенно реабилитируемых, а также идеологических противников коммунистов, но и о трудах по истории большевизма, репрессий, лагерей, гигантский массив документалистики, в которой открыто обсуждались вопросы истории страны фактически всех периодов: до революции, революции, коллективизации, войны, пятилеток – вплоть до самого последнего времени. Сюда входили работы всех тех, кто не вписывался в узкие рамки официальной печати, авторов самых разных мировоззрений и идеологических позиций – монархистов, марксистов, националистов, антисемитов, «спасителей России», ее беспощадных критиков, тех, кто пытался обнаружить исторические корни тоталитаризма, и тех, кого он уничтожал, и тех, кто стремился прозреть ее будущее. В них поднимались проблемы правопорядка и карательной медицины, экономики, принудительного труда, внутрипартийной борьбы, надвигающейся экологической катастрофы и деградации системы управления, национальных отношений и мафии, коррупции, школьного обучения и армии – то есть весь круг тем и вопросов, которые сегодня постепенно осознаются общественным мнением как самые неотложные. Именно эти издания квалифицировались как «антисоветские», а их читатели или авторы подвергались жесточайшим репрессиям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.